

Литературный меридиан

Май 2009 г.
№ 5 (17)

В.К. АРСЕНЬЕВ

**О НЕУГОМОННОСТИ
ДРУЗЕЙ**
(с. 2-4)

МОЖЕТ, ХВАТИТ?!
• Сергей БАРАБАШ •
(с. 6-7)

МАСТЕР-КЛАСС
• Иван ШЕПЕТА •
(с. 10)

ШОК
• Александр ЕГОРОВ •
(с. 11)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Война Виктора Ваганова

Рисунок Виктора Ваганова

На страницах майского номера «ЛитМ» редакция представляет Виктора Андреевича Ваганова, участника конкурса о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (номинация «Рисунки»). Автор, прошедший под градом пуль и снарядов тяжёлыми фронтовыми дорогами от Москвы до Кёнигсберга, в 45-м освобождавший Маньчжурию от японских милитаристов, – человек уникальный.

Родился на Урале в 1922 году. В 30-е голодные годы вначале умерла от тифа мать, потом – отец, от туберкулёза. За внуком приглядывала бабушка, но жилось так бедно, что пришлось мальчишке ходить от одного двора к другому и просить съестное на пропитание. И всё равно этого не хватало. Знакомая Витино отца устроила мальчика в детскую поликлинику. Выжил он только благодаря тому, что там столовался в течение трех месяцев.

Бабушка вернулась в деревню, а Витю дядя увёз в Удмуртию, где были хлебные места. В Глазове жилось более или менее хорошо. Но вот беда – заболел дядя, сапожных дел мастер, и слег надолго. Снова пришлось Вите идти в люди, чтобы хоть как-то существовать. Вскоре они покинули Удмуртию. Дядя скончался, а Витя, погоревав, круглым сиротой вернулся в Глазов. Мальчик мотался по железнодорожным станциям, жил, где попал, ел не каждый день. Неизвестно, сколько бы он беспризорничал, но однажды, в ноябре 1934 года, милиционеры сняли его с поезда, оборванного, босого, грязного... Проверили и отпустили на все четыре стороны.

/Продолжение на с. 17/

ПРОЗА
• Эльвира КОЧЕТКОВА •
(с. 22)

ПОЭЗИЯ
• Кирилл КОВАЛЬДЖИ •
(с. 26-27)

ПОЭЗИЯ
• Валерий КУЛЕШОВ •
(с. 28)

ПОЭЗИЯ
• Максим ЛАВРЕНТЬЕВ •
(с. 30-31)

В майском номере мы вынужденно возвращаемся к давнему разговору, не нами начатому. Мотивы, побудившие обратить внимание на полузабытую историю, станут ясны из нижеследующего текста.

Многие из читателей помнят наши прошлогодние публикации, опровергающие клеветнические нападки редактора-составителя альманаха «Живое облако» **Н. Морозова** в адрес «Литературного меридиана». Интересующимся рекомендую прочесть «ЛитМ» № 4–2008, № 11–2008.

«Хозяин» своего слова

16 декабря 2008 года около полудня в мой рабочий кабинет постучал посетитель – арсеньевский стихотворец **Борис Юрасов**. Разговорились. Как выяснилось, Борис Иванович от имени Николая Морозова пришёл мириться – мол, г-н Морозов даёт обещание прекратить тиражирование лживых высказываний о сотрудниках редакции «Литературного меридиана», а взамен просит не предавать огласке компромат на самого Николая Морозова. Что ж, худой мир лучше доброй войны. Тем более что Борис Иванович Юрасов гарантировал добросовестное выполнение обещания Морозовым. На том и порешили: Морозов перестаёт распространять сплетни и клевету по адресу главного редактора и сотрудников редакции «Литературного меридиана», в свою очередь редколлегия «ЛитМ» с радостью забудет о существовании издателя и стихотворца Николая Морозова. Я согласился на условия «перемирия», несмотря на то, что морозовское «Живое облако-15», не отличаясь оригинальностью, продолжало выносить на свет мутный поток клеветы. Правда, Морозов оговаривался, что одна из статей «ЖО-15» «завершает все возникшие перепетии» («перепетии» – так в «ЖО» – **В.К.**).

В марте 2009 года вышел в свет альманах «ЖО-16». В нём – ни слова о «Литературном меридиане». Казалось бы – можно забыть о переживаниях: обещание, данное Морозовым и подтверждённое честным словом Юрасова, выполняется. Но кто такой Борис Юрасов вместе со своим честным словом для Морозова? А никто! Составитель «Живого облака» и не собирался сдерживать своего слова. Видно, собственному слову он не хозяин. Этот вывод сам собой напрашивается после ряда событий, произошедших с января по март сего года. Но обо всём по порядку.

Успокоив редакцию «Литературного меридиана», Николай Морозов (не хуже грамотного полководца) меняет тактику и стратегию: вместо агрессивных клеветнических статей на страницах «Живого облака» начинает активные «партизанские действия». Только теперь «почётный(!) гражданин» города Арсеньева (ведь почетных, по его собственному стихотворному признанию, «всего лишь двадцать» – чем не повод для гордости?) использует своих близких и «верных соратников». Любопытно, существует ли Положение, позволяющее вновь сделать гражданина

«непочётным»? Но пока желания сбываются. Поговаривают, у Николая Николаевича всегда были две заветные мечты: стать почётным жителем и добиться, чтобы одна из арсеньевских улиц носила его имя – Морозова.

Ни для кого не секрет, что в последние годы Морозов, руководствуясь ему одному понятными мотивами, считал своим правом отправлять на домашний почтовый адрес заместителя главреда «ЛитМ» Геннадия Богданова свежевыпущенные номера «ЖО». Видимо, Геннадий Валентинович должен был расплакаться от радости и умиления при виде подобной заботливости. Посылки сопровождалась настойчивыми приглашениями принять участие в очередном выпуске альманаха.

И, конечно, не секрет, что художественная планка «Живого облака» занижена настолько, что к публикации допускаются строки, подобные: *«Я тобой люблюсь, словно лилией // В буднях человеческой души»; «Ко мне приперлась ты, // Как ласковый тюлень»* или: *«Но не смогла я подойти // И прочь пошла, чтоб уйти»...*

Третий «не секрет» – Геннадий Богданов никогда не скрывал своего отрицательного отношения к откровенно беспомощным стихотворным произведениям. В том числе и в ответных письмах Морозову Геннадий Валентинович не единожды говорил о необходимости со всей строгостью выбраковывать беспомощные «стихи», подобные приведённым выше. В ответ на критику Морозов публиковал в «ЖО» цитаты из писем Богданова (без его ведома и согласия) – исключительно вырванные из контекста фразы, после «редакторской правки» Морозовым грубо искажающие смысл высказывания.

Возвращаясь к вопросу соблюдения «перемирия» Морозовым. В начале марта текущего года заместитель главного редактора «Литературного меридиана» получил письмо от супруги «главного героя» нашего повествования – **Клары Андреевны Морозовой**. Кроме прочих, в письме есть такие примечательные строки: *«Сколько обидных и несправедливых обвинений и высказываний в адрес Николая Николаевича Морозова и в адрес «Живого облака»! Да Вас, Геннадий Валентинович, за Ваши высказывания казнить мало!»* (Выделено мною – **В.К.**) Подобные хамоватые изречения вполне возможно рассматривать как угрозу. К тому же непонятно, почему на письма мужу отвечает жена? (Или такова «партизанская» тактика/стратегия – спрятаться за спиной жены?!).

К слову, могу вспомнить письма **К. Морозовой**, полученные мной два-три месяца назад, в которых «многолетний музыкальный редактор и корректор "Лукоморья"» фамильярничает: *«Я всегда буду обращаться к тебе на "ты"»,* а вспоминая покойного **Михаила Довженко**, кощунствует: *«А у Михаила Довженко, видимо, с совестью было не в порядке, царство ему небесное»* (правописание сохранено – **В.К.**).

О каком «перемирии» может идти речь после подобных выходов Николая Морозова и иже с ним?

Но и вышеупомянутые факты – далеко не полный список

бесчестных дел руководителя «ЖО» и его «группы поддержки».

12 марта 2009 года на мобильный телефон редакции позвонил бывший подписчик «Лукоморья», друг Николая Морозова Валентин Рудомин, и, невнятно выговаривая слова, произнёс: «Я... тут... у Николая... Николаевича... Держу в руках... мартовский номер... «Литературного меридиана»... <...> А я не в пьяном виде... На каком основании... в «Литературном меридиане»... печатаются слабые стихи?»

И всё-таки переполнившим чашу нашего терпения стал факт вопиющей клеветы, возводимой на сотрудников редколлегии «Литературного меридиана» – в марте 2009 г. в хабаровские городские учреждения культуры градом посыпались клеветы на Геннадия Богданова. Один из близких товарищей Николая Морозова, житель Приморья, обвиняет Геннадия Валентиновича «во всех тяжких», в том числе в воровстве газеты «Лукоморье». Возможно было бы подобное «правоиспытательство» а-ля 37-й год без ведома главного «вдохновителя и идеолога ведения партизанских действий» – господина-товарища Морозова? Думается, нет. Слишком явно прослеживается в действиях прогнавшего (но не разобравшего в ситуации) заступника за «попранную справедливость» мудрое руководство «старшего товарища».

И, позвольте, главное: всё же – где Богданов, и где «Лукоморье»? Не очень-то набегаешься из Хабаровска в Арсеньев – 600 км!.. Но истина очень проста. И она в том, что в природе не существует приказа или распоряжения, запрещающего Николаю Морозову издавать пресловутое «Лукоморье». Так что мешаешь засучив рукава взяться за дело? Или «партизанская наука» отнимает время и силы?

Художник и его художества

При любой возможности Николай Морозов не упускает случая упрекнуть сотрудников «Литературного меридиана» в непрофессионализме (хотя – кому интересен альманах «ЖО», кроме Морозова и опубликовавших в нём авторов?). Мне давно хочется спросить самого Николая Николаевича: в каком учебном заведении Вы получили красный диплом профессионального редактора? Или профессионализм автоматически присваивается счастливому обладателю членского билета одного из писательских союзов? И если отсутствие или наличие литературного профессионализма – животрепещущая для Вас тема, то давайте посмотрим на Ваш профессиональный уровень. Как говорится, ничего личного.

Подробно о филологической малограмотности последних выпусков «Живого облака» мы поговорим в другой раз, а сейчас обратим внимание лишь на отдельные «выдающиеся» места нескольких номеров альманаха.

Практически во всех последних выпусках «ЖО» его редактор указывает пальчиком опубликовавшимся авторам на слова-паразиты, «ловушки для автора» (по Морозову): «как», «ведь», «уж» и т.д. Достойное дело для редактора – выискивать «блошек». Однако этим поиском вряд ли ограничивается круг редакторских обязанностей.

А вот что удивительно: стоит читателю прочитать **любую** статью литератора Н. Морозова (например, с 2000-го года), опубликованную в «ЖО» или в «Лукоморье», – за редким исключением не встретится в тексте два-три раза слово «**нынче**». Это к вопросу о чувстве языка.

«Живое облако-15» открывает статья под заголовком «В авторской редакции», подписанная членом Союза российских писателей Николаем Морозовым.

И здесь не обошлось без «перлов». Несомненно, среди равных «жемчужиной» стала фраза: «...*Читатель, не обижайся на слова "холодно-кровные", которые встретишь вместо нужного слова "хладокровные"*». Очень профессионально исправлено! Вот только словари почему-то ведут себя непрофессионально, требуя написания «хладо-нокровные». Ах да, ошибка – наверняка опечатка, и виноват, несомненно, – компьютерщик! Не так ли, Николай Николаевич? Вы, конечно, ошибок не допускаете...

Приведу другой красноречивый пример «откровения» главреда «ЖО»: «*А нам (кому – «нам»? – не о себе ли во множественном числе? – В.К.) очень приятно, что в альманахе № 16 **нынче** (здесь и далее выделено мною – В.К.) **особо яркая** проза. Каждый рассказ трогает сердце, заставляет задуматься, открывает новые грани души человека. Хотя публикация рассказов для нас **дорогостоящая**, ведь рассказы не вмещаются в сто строчек стихов или в двести. Они гораздо больше. Но ничего. Попробуем снова поговорить со спонсорами. И вы в городах, районах покажите наше нищее издание новым русским. Может быть, кто-то и откликнется, поможет*» («ЖО-16», с. 214).

Кому, как не редактору, знать о значении отбора лексических средств, используемых в тексте? Кому, как не ему, поучающему, знать, что эмоционально-экспрессивным качеством слова определяется его принадлежность к тому или иному стилю? И кому, как не ему, редактору, знать, что «точность слова является не только требованием стиля, требованием здорового вкуса, но прежде всего – требованием смысла?»

Какая логическая связь между анализом «особо яркой» прозы и дальнейшим сообщением о дороговизне публикуемых рассказов, выраженная уступительным союзом «хотя»?

Чем объясняется эта нестройность мысли, грамматическая расхлябанность, непростительная даже в разговорно-бытовом стиле: незнанием тонкостей словоупотребления, норм, законов литературного языка? или откровенным пренебрежением к своим подписчикам?

Ей-богу, хочется закричать: «Караул, обманывают!» На каких простофилей рассчитано высказывание Н. Морозова, процитированное выше? Любому заинтересовавшемуся ответят в первой же подвернувшейся типографии: цена тиражирования (в нашем случае – книги) зависит не от количества поэтических или прозаических строчек на странице, а от общего количества листов в книге, от тиража издания, от способа печати и иных затратных статей. Вопрос, видимо, в другом: и сто, и двести поэтических строк можно сверстать в две колонки на каждой странице (не так ли в «ЖО?»), собрать с авторов «определённую сумму» – как за одноколоночную вёрстку и **частью** собранных денег рассчитаться с типографией. А оставшимися деньгами – распоряжайся по своему усмотрению. С прозой такого «фокуса» не проделаешь. Сверстав рассказ даже в 5 колонок, бумаги не сэкономишь. Выгодней печатать стихотворения. Жаль, что верстать в три колонки не позволяет формат «ЖО».

К тому же профессиональный редактор «ЖО» вновь оконфузился (и это не впервые): «**сто строчек стихов**». Даже начинающему стихотворцу известно, что в кон-

тексте поэтического произведения термины «строка» и «стих» – это одно и то же.

Кроме того, было бы неплохо пояснить читателю: каким образом **рассказ** может вместиться в **стихи**?

А о профессионализме поэта, члена Союза российских писателей Николая Морозова скажут строки его стихотворения «Народ для власти...», опубликованного в «ЖО-15» на с. 70:

*«...А над лесами гибнущими
Машет
Ворона,
Обесперенным крылом.»*

(Пунктуация сохранена – В.К.)

Страшную картину нарисовал автор *то ли семнадцати, то ли восемнадцати книг*¹ стихов и прозы Н. Морозов – парят над головами граждан, понимаешь, тушки вороны... Наверное, и школьнику известно, что птица без перьев не летает.

Оставляю без подробных комментариев морозовские строки «...зачем ты мне оставила // свои глаза на горестной тропе», «от гласных до согласных ритм идёт», «ещё горят ладони рук // огнем лопаты», «может, Божеский глаз», «твои глаза в мои переместились...», «когда слеза скатилась почерком мужчины» и многие, многие другие. Не вижу смысла тратить газетную площадь на неблагодарное занятие.

И дело даже не в том, что оставленные «глаза на тропе» – нелепица, а у ног ладоней не бывает... Остаётся призадуматься, с каких это пор слеза обрела удивительное свойство – скатываться «почерком мужчины»; и только ли по щекам профессиональных поэтов? А может, это чудо-метафора, находчиво найденная поэтом-профессионалом? А может, насмешка над читателем: всё равно не поймёт?

Лишний раз хочется удивиться: человек, претендующий на звание неоспоримого авторитета в литературе, но не желающий замечать огрехов в собственных произведениях, с апломбом говорит о поэзии и прозе других литераторов на страницах собственного альманаха, в котором, кстати, можно встретить такое объявление: «*Присылайте рукописи своих стихов для рецензии и оплату 300 руб. <...> Морозову Николаю Николаевичу. Очень тёплые отзывы о своих стихах получили Валентина Бутова из Рожино и Николай Баранов из Дальнегорска.*» («ЖО-15, с. 164). Заплати денежку, писатель, и похвала тебя найдёт! Только не забудь в свою очередь похвалить редактора «ЖО».

Как мы видим, членская книжка Союза писателей если и делает своего хозяина безупречным профессионалом, то отнюдь не в нашем случае.

Прописан фарс...

В «ЖО-14» Морозов в стихотворении «Вновь на экране пляшут смехачи» (с. 25-26) высмеивает российскую эстраду: «Прописан на экране фарс и смех, // И смехачей пригревшееся стадо». Но удивительная метаморфоза! – в «ЖО-15» (с. 214) и «ЖО-16» (с.54) Н.Морозов пишет:

¹ В «ЖО-16» на с. 39 Н. Морозов благодарит всех поздравивших его с выходом в свет В ФЕВРАЛЕ с.г. 17-й книги стихов, а спустя полсотни страниц – на с. 89 читаем: «Николай Николаевич – автор восемнадцати книг стихов и прозы». «ЖО-16» вышел В МАРТЕ с.г.

«Очередной (юмористический) выпуск альманаха мы решили послать редакции второй программы российского телевидения «Россия». Выпуск будет называться «Смеётся облако живое». По-морозовски, выходит: дорогое «пригревшееся стадо», читай на здоровье с голубого экрана наш альманах «Смеётся облако живое!» Так?

Почему бы не обратиться к руководству центральных телевизионных каналов с предложением организовать шоу «"Живое облако" на льду» или «Боксёрский ринг "ЖО"»? И что немаловажно: по итогам шоу можно выпустить очередной номер альманаха с обязательной отправкой в библиотеку Президента РФ.

«**Самодельная грамота**» – так называлась статья Н. Морозова, опубликованная в «ЖО-15» на с. 119.

Получив грамоту «За внушительный вклад...» от редколлегии «Литературного меридиана», редактор «ЖО» удивляется: «кому и что я [Морозов] внушал?». Степень театрального удивления Николая Николаевича такова, что он не смог оценить юмористической направленности «документа». Жаль. Оценили – другие многие.

Опубликовав названную статью, Николай свет Николаевич, «профессиональный редактор и поэт», в очередной раз продемонстрировал общественности свои проблемы с правописанием фамилий выдающихся людей. На этот раз – известного в Арсеньеве педагога прошлых лет, которого Морозов признаёт своим учителем, Лапуцкого называет Лапутским (или в указанной опечатке в тысячный раз виноват наборщик/верстальщик? В таком случае надо наказать его «штрафом в 100 рублей», а может быть даже – «казнить» –!).

Вместо эпилога

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, вопреки возможным домыслам, никто из литераторов, причастных к «Литмеридиану», не видит целью своей жизни травлю Николая Морозова. Но сам Николай Николаевич, видимо, считает себя незаслуженно обиженным, и того пуще – обворованным. До чего ж удобную позу принял редактор «Живого облака»: он (уважаемый, почетный, и член Союза) – и страдалец, и борец за народное творчество, а его притесняют и оскорбляют некие лица!

В таком случае, почему бы Николаю Николаевичу не поступить по-мужски – осмелиться и пригласить за стол переговоров членов редколлегии «Литературного меридиана» и донести до оппонентов суть притязаний. Почему бы не сказать обидчикам в лицо, что они подлецы, что достойны общественного порицания? Почему бы не выслушать аргументацию литмеридианцев?

В свою очередь мы сумели бы организовать присутствие на встрече юристов, сотрудников прокуратуры и МВД, налоговой службы – для правовой оценки разногласий. Ведь можно поговорить по-интеллигентному и даже о чём-то договориться.

Но... кажется, «Колонка редактора», раздуваясь до трёх полос, свидетельствует о том, что в действительности все прошлые и возможные будущие обещания издателя Морозова – всего лишь «пшик»...

Скоропись ДУХА

Не знаю, какое ещё издание уделяет столько внимания, времени и сил письмам подписчиков. Обширная колонка редактора апрельского номера посвящена многочисленным вопросам эпистолярного общения с авторами нашей газеты. Несомненно, такая обратная связь нужна. Это хорошо, но плохо то, что одно и то же приходится неоднократно повторять. И сколько бы мы ни говорили об общепринятых правилах оформления присылаемых в редакцию материалов, всё равно к нам приходят материалы, написанные от руки. Просто какой-то вирус неуважения как к себе, так и к сотрудникам редакции.

Поражает завидное терпение **Владимира Тыцких**. Его ответ на письмо **Л. Самойловой** подробен до мелочей и занимает три страницы. Воистину, любовь назидает!

Несмотря на весеннюю хандру и нелюбовь **А.С. Пушкина** к этому времени года, поговорим о прекрасном – о поэзии. В плане литературной учёбы отмечу замечательную статью **Эльвиры Кочетковой** «До чего доводит критика». С удовольствием прочитал стихотворение, приведённое в статье «Судьбы подарок – летний день». Чудесная лирика!

Сергей Барабаш с грустью рассуждает о русской уходящей деревне. Четыре стихотворения объединены одной темой: сельская жизнь с её яркой природой и далёкое деревенское детство. Пятое, последнее стихотворение «Рыбалка» стоит как бы особняком от всей подборки. Написанное не без доли юмора, оно развеяло унылое настроение предыдущих стихотворений.

Своеобразна лирика **Софьи Иосилевич**. Стихи искренни, а это многого стоит. Недаром первая книга автора называется «Очень личное».

Сергей Пагын особенный, неординарный поэт. С наслаждением прочитал его подборку «Времени вода». Яркая метафоричность – это творческое кредо автора. Все стихи хороши, но особенно хочу отметить первое «Замёрзла времени вода» и последнее «Я знаю».

Короткие философские размышления **Веры Гундаревой** вполне достойны. Есть стихи очень глубокие, такие как «Жизнь продолжает свой полёт», а есть лёгкие четверостишия на манер частушек, написанные с юмором.

После прочтения подборки стихов **Ирины Мельниковой** захотелось обратиться к определению – что такое поэзия? Остановимся подробнее на этом вопросе. Существует мнение, что поэзия – это особое состояние души. Возможно, но не совсем точно. «Езда в незнаемое» – футуристически заявил **В.Маяковский**. Интересное высказывание по этому поводу я встретил у

Геннадий БОГДАНОВ

Юрия Кабанкова: «Поэзия – блудная дочь молитвы». Само по себе это определение уже поэтично. А есть ли формула поэзии? Глубже всех услышал её в шуме времён ссыльный Пушкин в октябре 1823 года: «...ищу союза волшебных звуков, чувств и дум...». Прислушайтесь, какое гулкое «у» – осени, разлуки, чужого моря, журавлиного прощального крика в этой чудной триаде – «звуков, чувств и дум»!..

Средства выражения не так просты. Вот что говорит **Б.Пастернак** в своих заметках к переводам шекспировских трагедий: «Метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он должен смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись её духа». На мой взгляд, из всех приведённых выше определений вернее всего – Пастернаковское.

Возвращаясь к обзору, скажу несколько слов о стихах **Ларисы Салазко**. Её немного наивные и веселые стихи чем-то подкупают. Впрочем, некоторые строчки шероховаты и требуют доработки. Отмечу наиболее удачные стихи: «Муза заходила», «Судом людской молвы».

Желаю всем хорошего весеннего настроения, здоровья и новых творческих удач.

МОЖЕТ, ХВАТИТ?!

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Неделю назад в центре города Владивостока я случайно встретил своего давнишнего приятеля, одного из активных функционеров ныне уже не существующего «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника "Лукоморье"». Разговорились. В девяностые годы прошлого столетия я тоже относился к активным «лукоморцам», и разговор сразу же зашёл об этом, весьма популярном в то время, литературном издании. Буквально пяти минут хватило моему собеседнику на душераздирающий рассказ о последних днях существования "Лукоморья", о том, как некие заинтересованные лица путём сложных интриг, граничащих с откровенной подлостью, вынудили создателя народной литературной газеты уйти в отставку. Эта легенда, оказывается, имеет широкое хождение в приморской глубинке. Именно по этой причине мне пришлось взяться за перо.

«Тем, кто пишет стихи» – так было озаглавлено коротенькое обращение, опубликованное более десяти лет назад в периферийной малотиражке «Вперёд» – печатном органе Михайловского района Приморского края. Мало тогда кому известный не только в литературных, но и в околосредовых кругах Николай Николаевич Морозов, подписавший «обращение», предложил неравнодушным к поэзии людям объединиться для издания коллективного сборника стихов за свой счёт. На призыв Н. Морозова откликнулось столько «неравнодушных», что инициативная группа местных поэтов, среди которых был и Николай Николаевич, смогла организовать практически региональный литературный съезд. На волне впечатляющего энтузиазма съезд проходил в городе Партизанске в течение двух дней. В первый же день после **коллективного** обсуждения всех организационных вопросов относительно издания стихотворного сборника был также решён вопрос о его названии, каким стала строка из стихотворения Ольги Львовой «Живое облако души».

(Сборник стихов поэтов Приморья «Живое облако» был издан в 1996 году под общей редакцией известного приморского прозаика и поэта Евгения Лебкова. Самую активную роль в издании «Живого облака» принимали Н. Морозов и М. Довженко).

Многочисленность «неравнодушных к поэзии» лиц, помноженная на их желание как можно скорее увидеть строки своих произведений напечатанными типографским способом, **стихийно** родила мысль о создании своего периодического печатного органа. Это диктовалось в первую очередь тем, что учредить газету можно гораздо быстрее, чем издать коллективный стихотворный сборник. В кулуарах съезда об этом говорили многие, особенно Н. Морозов и М. Довженко.

Это малозаметное в «смутные девяностые» событие, тем не менее, сыграло решающую роль в появлении в мае 1996 года среди немалого количества периодических изданий Приморского края весьма оригинального «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника "Лукоморье"».

Несправедливым было бы не отметить, что именно Н. Морозов, в конечном счёте, стал катализатором возникшего на съезде общего желания иметь свою газету.

Именно с его именем связано практическое осуществление этой задумки.

Вместе с тем, не стоит забывать, что появление газеты – результат коллективных усилий немалого числа «неравнодушных к поэзии лиц». Даже выбор её названия был предметом многочисленных обсуждений и споров в среде будущих «лукоморцев». Как ни странно, но в этом выборе успел поучаствовать и далёкий от газетных дел бывший художественный руководитель Владивостокского камерного театра драмы Леонид Анисимов. Именно к нему в кабинет приводил группу спорящих создателей ежемесячника писатель Борис Мисюк. Кстати, Л. Анисимов не был сторонником предложения назвать новый ежемесячник не отличающимся новизной именем.

Если быть абсолютно объективным, то **официальное** рождение «Лукоморья» в большей степени связано с Михаилом Довженко, чем с Николаем Морозовым. Дело в том, что регистрации «Лукоморья» его будущий редактор активно противился. Причина его сопротивления – история отдельная. Касаться её не пришло время. Как бы то ни было, но именно М. Довженко смог буквально принудить Н. Морозова зарегистрировать газету, иначе формально никакого «Лукоморья» вообще бы не существовало.

(Кстати, учреждение газеты тоже имеет свои интересные стороны. Так, если заглянуть в старые номера «Лукоморья» (например, в строенный номер 8–9–10 за 1998 год), то там учредителем газеты значится Приморский краевой центр народной культуры, который в своё время не только поддерживал народную газету, но и кабинет главному редактору выделил, и зарплату ему платил.

Далее. Если открыть 12-й номер – практикум за 2000 год, то появляется наряду с Приморским краевым центром народной культуры и соучредитель – член Союза российских писателей Николай Николаевич Морозов.

Далее... Впрочем, не трудно догадаться, далее – только Н. Морозов.

Вот такая метаморфоза...)

Не вдаваясь в подробности внушительного количества объективных и (не менее важных) субъективных причин, сделавших неизбежным появление в январе 2008 года Дальневосточного регионального литературного издания «Литературный меридиан», нельзя забывать, что за своё более чем десятилетнее существование «Провинциальный литературно-музыкальный ежемесячник "Лукоморье"» сыграл положительную роль в возрождении в Приморском крае уважения к печатному слову, к поэзии, к художественной прозе. Его основатель и одновременно главный редактор был своего рода первопроходцем, которым всегда достаются наибольшие трудности. Честь тебе и хвала – «Лукоморье»! Спасибо тебе, Николай Морозов!

Но время «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника» безвозвратно ушло. Бывшие когда-то оптимальными стиль и методы работы редколлегии «Лукоморья» безнадежно устарели. Абсолютно неопытный как руководитель, главный редактор ежемесячника Н. Морозов оказался в плену собственных непродуман-

ных решений. Постепенно утвердив авторитарный стиль руководства, он оттолкнул от себя талантливых литераторов, по существу выхолостив творческую составляющую ежемесячника. Потенциальные возможности «Лукоморья» с уходом уже заявивших себя в литературе известных прозаиков и поэтов резко снизились – впереди был тупик.

Удержать на плаву литературное издание, существующее практически только за счёт авторов, не отбросив не оправдавшие себя закостенелые методы руководства, было невозможно. Требовалась коренная ломка забронзовевшей от неумеренных самовосхвалений системы. Косметических мер было уже явно недостаточно. Остро встал вопрос о смене руководства.

Между прочим, вопрос этот был не нов. Уже через год после официальной регистрации ежемесячника, когда неопытность руководителя «Лукоморья» стала видна невооружённым глазом, Н.Морозов неоднократно сам предлагал возложить обязанности главного редактора на Владимира Михайловича Тыцких. Будучи членом редколлегии «Лукоморья», В.Тыцких к своему членству не относился формально. Его помощь еженедельнику и лично Н.Морозову была просто неоценима. Наверное, судьба «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника "Лукоморье"» сложилась бы иначе, прими Владимир Михайлович предложение Николая Николаевича, но В.Тыцких, проявив абсолютно ненужную щепетильность, от предложения отказался.

Через некоторое время подобное предложение получил Михаил Довженко, причём оно не было кулуарным, как в случае с В.Тыцких. Из уст Николая Николаевича оно прозвучало публично, на общем собрании «лукоморцев», состоявшемся в г. Арсеньеве. К этому времени Николай Николаевич начал самоустраняться от руководства, мешающего ему заниматься собственным творчеством. Как бы то ни было, но на тот момент М.Довженко «де-факто» приступил к исполнению обязанностей главного редактора. Он успел перетасовать на свой лад редколлегию, писал вступительные и заключительные статьи в очередные газетные номера, однако официально стать главным редактором ему было не суждено. То, что впоследствии с ним случилось – отдельная, невероятно печальная история человеческих взаимоотношений. Наверное, касаться её пока не стоит.

В общем, как сказано выше, необходимость смены руководства назрела. Надо сказать, что главный редактор «Лукоморья» это понял. Он, скрепя сердце, добровольно оставил привычный редакторский пост, передав бразды правления своему бескорыстному соратнику, «лукоморцу» Владимиру Костылеву. Новый руководитель, достаточно быстро исправив ошибки своего предшественника, возвратил интерес маститых литераторов Приморья к газете. Никогда бы не вернувшиеся в «Лукоморье» к Николаю Морозову, талантливые литераторы пришли в «Литературный меридиан» к Владимиру Костылеву. Новый редактор и новое имя регионального литературного издания стали привлекательными для многих не ангажированных и трезвомыслящих приморцев. Отбросив всё, что мешало «Лукоморью», «Литературный меридиан» стал выгодно отличаться от «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника», что неглупыми людьми расценивается совсем не в укор Н. Морозову, – просто новое неизбежно приходит на смену старому. Это аксиома, и, следовательно, тут не надо искать ни правых, ни виноватых.

Вместе с тем не надо забывать, что Н.Морозов не был собственником литературно-музыкального ежемесячника. «Лукоморье» существовало не за его счёт, а на обще-

ственные деньги. То есть на средства авторов публикаций и подписчиков газеты, которые, в подавляющем большинстве, были отнюдь не богачами.

Кроме того, не лично редактору, а именно зарегистрированному печатному органу шла помощь со стороны Краевого центра народной культуры во главе с С.Морозовой, со стороны Управления культуры администрации Приморского края во главе с В. Хрипченко, а также мэров городов Арсеньева, Артема, Дальнегорска, Находки, Партизанска, Спасска. Надо заметить, что помощь оказывалась не только моральная.

Кстати, совсем не секрет, что явочным порядком Н.Морозов стал единоличным распорядителем «лукоморских» финансов, причём распорядителем никому не подотчётным. Невольно хочется сказать словами Владимира Высоцкого: «Где деньги, Зин?».

Но шут с ними, с деньгами! Ведь легенда, услышанная мною на шумной городской улице, о деньгах не упоминает. Легенда касается действий неких лиц, «хитроумным способом» отстранивших главного редактора от власти, так сказать, касается узурпаторов. Вот тут-то возникает для многих неожиданный вопрос: а кто эту, так называемую власть, вернее, должность главного редактора Николаю Николаевичу давал? Не менее неожиданным будет и ответ: а никто. Сам взял!

Предвосхищая возражения, хочу сразу внести ясность. Во-первых, как сказано выше, собственником газеты Н.Морозов не был. Газета и создавалась коллективно, и функционировала как коллективный печатный орган. Во-вторых, как выше отмечено, необходимые для издания газеты денежные средства вносили авторы публикуемых газетой материалов и подписчики. Весомую помощь при этом оказывали не только общественные, но и государственные организации и учреждения. Официально газета не финансировалась. **При таких обстоятельствах высшим органом зарегистрированного СМИ может быть только общее собрание.** Именно оно и обладало полномочиями назначать или выбирать руководителя, в частности, главного редактора. Однако даже формально вопрос о выборах не поднимался. Непререкаемый (в то время) авторитет Н. Морозова, как лидера «лукоморцев», абсолютно ни при чём – процедуру выборов он не проходил. Конечно, случись в то время выборы, то за кандидатуру Н.Морозова голосовало бы подавляющее большинство избирателей (и я бы голосовал). Но будем объективны: раз выборов не было, то за Н.Морозова **не голосовал никто!**

Можно по-разному относиться лично к Николаю Николаевичу и его легитимности на посту главного редактора. Так же, по-разному, можно относиться и к легенде о неких, лишивших его власти, узурпаторах. Но проблему не надо усложнять. Она разрешается очень просто – ответом на очень важный вопрос.

Вопрос: проводилось ли общее собрание, на котором главным редактором «Лукоморья» был избран Морозов Николай Николаевич?

Ответ: такого собрания не было.

Невольно после получения ответа на первый вопрос возникает еще один, чисто риторический: **так кто же узурпатор?**

P.S.

При регистрации «Провинциального литературно-музыкального ежемесячника "Лукоморье"» в региональную инспекцию, конечно, был представлен устав газеты, и этот документ наверняка разрабатывал не один человек – устав, как правило, продукт коллективного труда. Вот где можно найти ответы на многие, пока спорные, вопросы.

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Григорий РЕЙНГОЛЬД,
г. Иркутск.

конкурс

9 Мая

Шутка

Прибыв на передовую, наша часть получила приказ занять оборону... Когда нам раздавали винтовки, то их оказалось три на четверых солдат. Мы возмущались, но в ответ услышали шутку: «Не волнуйтесь, к вечеру лишние будут!» Так и случилось.

Русская слабость

В только что взятом городке наши солдаты обнаружили целую цистерну спирта. Что тут началось! Наполняли не только фляги, но и котелки, кружки, пили чуть ли не из пригоршней... Через час нас построили. Какой-то большой чин ругался и требовал, чтоб все, кто пил спирт из цистерны, вышли из строя. Его тон не предвещал ничего хорошего, никто не двигался. Тогда он сказал, что спирт в цистерне был метиловый, пить его нельзя, можно ослепнуть и даже умереть. Всех, кто пил сейчас, увезут в санбат, наказан никто не будет. После этого многие вышли из строя, и их действительно сразу увезли. Сам я практически не пил, то есть попытался чуть-чуть выпить за компанию с другими, но проглотить эту гадость не смог и выплюнул. Было мне тогда всего 17 лет и пить я ещё не научился. А друг мой, парень бывалый, который выпил две кружки, не поверил и, побоявшись наказания, остался в строю. К концу дня ему стало плохо, и он был отправлен в санбат. Жизнь ему спасли, но он ослеп...

Фотография

Это было в 1945 году. Мы вошли в один немецкий городок и на несколько дней остановились в нём. Как-то мы с товарищем решили прогуляться. На одном из домов увидели вывеску «Фотография» и зашли в него. Нам пришлось в голову, что неплохо бы было сфотографироваться. Разумеется, мы были при оружии – как иначе на войне?

Нас встретил старик хозяин. Он был страшно перепуган, думал, наверное, что мы хотим его убить. Немцы нас очень боялись. И не всегда напрасно: у многих наших солдат семьи были в оккупации и пострадали от немцев, были и такие, у кого жена, дети или родители погибли. Как они могли относиться к немцам? Бывало, что и не выдерживали у них нервы... Хотя перед входом в Германию зачитали нам приказ Сталина на этот счёт. За мародерство и разбой полагалось суровое наказание. Бывало, что наши солдаты на этом попадались и получали по полной катушке.

Так вот, хозяин-фотограф был страшно перепуган и что-то лепетал по-немецки. Мы его не могли понять, я до сих пор по-немецки знаю только «хенде хох» и «Гитлер капут». Мы, в свою очередь, пытались ему объяснить, зачем пришли. Когда наконец он понял, что мы пришли

не убивать, грабить и жечь, а просто хотим сфотографироваться, лицо его просияло. Он очень обрадовался, засуетился, почти мгновенно приготовил аппарат, усадил нас, сфотографировал, и через несколько минут у нас в руках были фотокарточки... Перед съёмкой мы поставили в угол наше оружие – автомат и ручной пулемет, на снимке мы без него. Но, смотри: в углу карточки виднеется пулемет...

Невыполнимый приказ

За успешные действия наша дивизия получила звание гвардейской. И вот, когда мы готовились к новому наступлению, кому-то в штабе пришла идея, как придать нашим солдатам более воинственный, геройский вид: надо, чтобы все отпустили усы! Как в старой русской армии. И был дан такой приказ. Однако он оказался невыполнимым: большинству наших солдат и офицеров было лет по 17-20 и отпустить им ещё было просто нечего.

О пользе табака

Почему я курю? Начал лет в десять и не могу отвыкнуть. Была война, страшный голод. Есть хотелось всегда... Бывало, пойду к госпиталю, наберу окурков и накурюсь до тошноты, чтобы жрать не хотелось...

ФЗО

Когда началась война, я, пятнадцатилетний пацан, был мобилизован в школу ФЗО при авиационном заводе. О школьной учёбе пришлось надолго забыть. Через год учёбы мы получили рабочую квалификацию и стали полноправными рабочими. Работать приходилось много, было очень тяжело. Кроме того, после работы мы проходили военную подготовку. Помню, идём мы ночью куда-то колонной. Я тащу пулемет и боюсь упасть. Думаю: придавит он меня, и я уже не поднимусь...

Однако, как рабочие военного завода, получили мы бронь, и когда нам исполнилось семнадцать, то не забрали нас в армию. Карточки имели рабочие, так что сильно не голодали. Помню, был такой случай: один парнишка потерял свои хлебные карточки. И не придумал ничего лучшего, как убежать на фронт. Сняли его с поезда, осудили как дезертира к исправительным работам с вычетом из заработка (завод-то военный!) и... вернули на место.

После окончания войны мы получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А в школе мы доучивались уже после войны. В вечерней. Тогда не так, как сейчас. Учиться нас никто не заставлял, сами хотели... Многие потом окончили вузы, стали инженерами...

Взятие Берлина

(воспоминания санинструктора)

Когда мы брали Берлин, немцы вовсе не были сломлены! Они стояли насмерть, наверное, как мы под Москвой или в Сталинграде... Сколько наших солдат погибло при взятии столицы Германии! Помню, в лесу под Берлином лежали тысячи наших раненых и умирали, так как не было воды...

День Победы

День Победы я встретил в Москве у своей тёти. Трудно передать словами чувства, которые все испытывали, хотя чувств всего два: радость и горечь. Радость оттого, что наконец-то свершилось то, о чём так долго мечтали, и горечь оттого, что многие уже никогда не вернуться. Я, например, именно 9 мая 1945 года осознал, что никогда уже больше не увижу отца. И когда я понял это, вышел из комнаты, где все радовались, и заплакал... Потом мы все пошли на улицу. Творилось что-то невообразимое: обнимались и целовались совершенно незнакомые люди, пели, танцевали, качали военных... Помню, летчик, майор, Герой Советского Союза, купил целый лоток с мороженым, шёл по улице и раздавал его детям...

Общежитие

«держали» фронтовики

Несколько лет назад в одном студенческом общежитии произошел такой случай: студент первого курса, парнишка семнадцати лет, не выдержав издевательств пьяных соседей по комнате, молотком покалечил одного из них, за что и был осуждён. Обсуждая это с заместителем декана факультета, я спросил у него:

– А когда вы учились, такого не бывало?

– Такого быть не могло. Это были пятидесятые годы. Тогда ещё доучивались многие фронтовики, они «держали» общежитие и устанавливали там свои порядки, – дал он исчерпывающий ответ.

Кавалеры

Сейчас уже не те молодые люди! Вот во времена моей молодости были настоящие кавалеры, фронтовики. Они предпочитали военный стиль, носили галифе и сапоги, которые были всегда начищены. На их пиджаках блестели ордена! Они не закуривали, не спросив разрешения у дам. Они читали нам прекрасные стихи Константина Симонова, а не ругались матом, как нынешняя молодежь, не распускали руки. Одним словом, настоящие мужчины, а не хамьё!

Инвалиды

Моя мать в годы войны работала врачом в госпитале. Не могу забыть инвалидов, без рук, без ног, слепых... Многие из них не хотели в таком виде возвращаться к своим семьям и всякими неправдами сообщали домой о своей мнимой смерти. Да и жить не хотели, было много попыток самоубийств. В результате многочисленных операций многие из них пристрастились к наркотикам и уже не могли без них. Не могли они, как правило, и без водки, на фронте к ней привыкли почти все. Но раз-

ве можно осуждать за это таких несчастных людей! Они отдавали за Родину жизнь, но случайно остались в живых. Они почти всё время играли в карты – на деньги, на табак, на водку... Проигрывая, часто дрались между собой по-страшному. В ход шли костыли... Мало кому из них удалось сохранить человеческий облик, ведь это были обыкновенные люди...

Порой мне не дает покоя мысль: а вдруг мой отец, пропавший без вести в 1943 году, не погиб, а покалечился и, не желая быть нам в тягость, живёт где-то в интернате для инвалидов, слепой или без обеих рук?

Последнее письмо

Сам я не воевал, был тогда ещё пацаном. Но воевал мой старший брат. Было ему тогда двадцать лет. Лейтенант-танкист... Однажды мы получили письмо из госпиталя, в котором брат сообщал, что его танк был подбит в бою, а сам он сильно обгорел. Что он скоро поправится и будет снова отправлен на передовую... В конце письма он писал: «Лицо моё страшно обгорело, вы меня теперь не узнаете. С таким лицом я жить не хочу и не могу. Буду на фронте искать свою смерть.»

Это была его последняя весточка. Скоро пришла похоронка.

Выселение чеченцев

Во время войны я служил во внутренних войсках, поэтому принимал участие не только в боях, но и в специальных операциях. В том числе и в выселении чеченцев. Целую республику вывезли за одну ночь – вот что значит сталинская организация! К каждому дому подъезжал большой крытый грузовик, в него моментально загонялась вся семья: глава семьи, если он был на месте, его жены (как правило, 2–3; до войны в Чечне советская власть существовала лишь формально, особенно в горных аулах, жили по законам шариата) и орава детей... Вещей и продуктов с собой разрешалось брать самый минимум, да и времени на сборы не было. На машинах везли их до железной дороги, а там уже стояли наготове составы...

Неполученный орден

Нашу дивизию наградили орденом Александра Невского. По этому поводу в штабе для всех офицеров было устроено застолье. Меня, как малопьющего, оставили на передовой с приказом до утра обеспечить порядок и ничего не предпринимать. Если что – звонить в штаб дивизии... Уже смеркалось. Неожиданно мне доложили, что немецкая батарея на конной тяге движется через пристрелянную местность. Я посмотрел в бинокль – так и есть. Если дать залп, то от этой батареи ничего не останется, пристрелянная местность – великое дело. Я уже и приказал гаубицы зарядить, и навести их как надо. Однако в последний момент решил позвонить в штаб, спросить разрешения. Я был уверен, что получу «добро», ведь это редчайший случай – немцы так подставились. Звоню в штаб, зову командира. Слышу в трубке его уже пьяный голос. Не совсем поняв, в чём дело, он выругал меня по матери и приказал сидеть тихо.

А случай был уникальный уничтожить врага без всякого риска. Да и орден за это мне бы дали.

О НАСТОЯЩЕМ

(Вадим Шарыгин. Избранное, на полях Всемирного дня поэзии
<http://www.stihi.ru/2009/03/23/3110>)

*Несчастья, обман и беда –
Попутчики наших дорог.
Меняются – только года,
Всё так же отсутствует Бог!*

(В. Шарыгин)

Эти четыре строчки заставили меня задуматься. Поэт не исключает себя из числа людей, идущих дорогой "несчастий, обмана и бед"... На такое саморазоблачение способен только настоящий поэт. А значит, есть повод критику для размышлений. Увы, грустных.

Исторически в нашей поэзии выработан принцип "судить поэта по законам, им созданным". Вадим сопровождает свою подборку огромным предисловием, где декларирует всякое такое, что позволяет однозначно формулировать его этическое кредо, его гражданскую позицию. Она состоит в следующем. Он, Вадим Шарыгин, поэт настоящий и не хочет идти путем "ненастоящих", тех, которые спокойно доживают до глубокой старости, вполне мирно сосуществуя "со свинцовыми мерзостями жизни". Он трибун, горлан, обличитель. Радетель за дело народное, за Россию. Позиция? Ну да, причём очень известная. Традиционная. Рылеев, Огарёв, Некрасов, Евтушенко... Сергей Есенин, столь любимый им поэт, стоит несколько в стороне, так как в понятие "настоящей поэзии" Вадимом не вкладывается ничего эстетического.

А Есенин, извините, был художник в первую очередь, а гражданин во вторую. И зря, мне кажется, Вадим пишет письмо от его имени. Этого права никто, кроме самого Сергея Есенина, не имеет. Получается, что некие ненастоящие "заслуживали" образ великого русского поэта, а Вадим, поскольку настоящий, целует чистым христианским поцелуем.

Не хочется углубляться в дебри путаных деклараций о "цене и цели".

Согласимся с тем, что настоящее – "в чувствах, мыслях, делах, поступках".

Кстати, дело поэта – его слово. Поэтому перейдём к стихам.

Моё глубокое убеждение состоит в том, что в стихотворном слове нельзя спрятаться, нельзя выглядеть лучше, чем ты есть. Оно абсолютно, беспощадно разоблачает творца вне зависимости от таланта. Поэт стоит рядом с Богом, как говорят японцы. То есть в жертвенности, и смерти, и славе на публике есть что-то от Христа. Правда, умирает стихотворец не так бескорыстно, но тоже подаёт пример. Не всегда положительный.

Вадим поэт неровный. Порой – пронзительный. С кабацкой интонацией, романсовыми романтическими причудами.

*"Слышу где-то справа запыленный стон,
Прям на пулемёты – рвётся эскадрон!"*

или

*"Высокий слог и просторечье
Слились в единый разговор.
Мы въехали в Замоскворечье,
Как будто передёрнули затвор."*

В этом "передёрнули затвор", когда встречаются противоположности – высокий слог и просторечье – и есть что-то нетеатральное, случайно вырвавшееся. Свежее и настоящее. Но остальное – Белогвардейский романс обречённых. Умильное целование женщин последнего батальона защитников Зимнего. Заслуживленный образ Родины.

Все мы любим её, но не все прилюдно целуем.

И многочисленные цитаты типа "судьбы свершился приговор".

Зачем? Ради какого художественного эффекта?

Я и говорю: поэт – неровный. Потому что цитаты явные и скрытые – ни к селу ни к городу.

А это стихотворение мне понравилось:

*Ни угла, ни пристанища,
Сотни чудных стихов.
Два гранёных стаканища –
За погибель врагов!*

*Добродетель зверелая,
Погоди, не суди!
Словно пыль угорелая,
Рвёт тоска из груди!*

*Может, влить сострадания
В чугунину сердец?!
Бесполезно. Рыдания.
И терновый венец.*

Оно не о прошлом, а о НАСТОЯЩЕМ. И вечном.

Вечно мы дружим "за погибель врагов!", а не за спасение собственной души. А критики у нас – добродетели зверелые. И сострадание в нас влить куда сложнее, чем в "два гранёных стаканища". Потому и терновый венец – делу конец!

А может быть, хватит нам жить на разрыв? И шивать пора то, что можно сшить, любовью и надеждой?

*"Крик истосковавшей души:
Соглашаться с этой жизнью –
Не спеши!"*

*"Когда-нибудь, потом,
Как схлынет горечь пораженья
души обманутой в надеждах и мечтах,
Мы выведем себя из окруженья".*

(В. Шарыгин)

Окружения безбожия, нравственной нечуткости и самомнения.

Встреча человека с коммунизмом происходит в два тура. В первом туре всегда выигрывает коммунизм; как дикий зверь, он прыгает на вас и опрокидывает. Но если есть второй тур, то тут уж почти всегда коммунизм проигрывает. У человека открываются глаза, и он замечает, что преклонялся перед обманом, нарисованным на рогоже. И получает прививку, навсегда.

А. И. Солженицын.

5 марта 1953 года в рабочем поселке Поронайского целлюлозно-бумажного комбината обычный день. Тусклое освещение пустынных улиц дополняет пронзительный ветер. Ни собак, ни кошек. Плодиться не успевают. В посёлке проживает несколько сотен корейских рабочих. Н-образное общежитие переполнено до отказа. Холодную сутемь улиц не радуют редкие тусклые фонари, 110-вольтное освещение едва достигает 100 вольт. Поселковую площадь образует каре из двух магазинов и двух общежитий. Нового, недавно построенного из добротного лиственничного бруса, и старого, ещё японской постройки. По всем четырём фронтонам зданий плакаты: «Слава КПСС!», «Слава народу-победителю!», «Выполним пятилетку досрочно!», «Слава Великому Сталину!»

А Сталин сильно болен. Дониимает радио. По несколько раз на дню, разрывая сердце, твердит одно и то же. Про самочувствие Вождя. А оно – без всякой надежды. И надо идти в третью смену на комбинат. Иван уже два месяца в комсомоле, электрик, шахматист, почти бригадир. Когда много электриков в отпусках, да ещё кто-нибудь на больничном, – в смену выходит один. Котелок варит, вот энергетик и доверяет. Смешно, но никто не знает, что ему ещё нет и семнадцати. После смерти родителей, чтобы определить в ремесленное училище, по просьбе старших сестёр сердобольное начальство тринадцатилетнему мальцу приписало два года; в пятнадцать получил 4 разряд электромонтёра промышленного оборудования. Хотя, по правилам техники безопасности, для самостоятельной работы нужны полные восемнадцать лет. А тут ещё и ночные смены. Вдруг узнают, то-то будет переполоху!

Торцовая комната выходит окнами на площадь, а там: слава да слава! Занавесок на окнах нет, так что и тусклый свет уличного фонаря не даёт вздремнуть, лучше идти в цех. Осмотреть оборудование, а там можно и прикорнуть. Дисциплина – дисциплиной, но и телу можно подыграть. Вздремнуть часок-другой –

святое дело. Сборы пару минут, пять минут до проходной и три минуты до цеха.

На фоне пасмурного неба, попыхивая дымом и блестящая двумя рядами цветных навигационных огней, маячит самая высокая на Сахалине шестидесятиметровая труба. На лесобирже скрежещут цепи лесотасок, гремят окорочные барабаны, монотонно шумит насосная станция, как бы прикуривая, пытит ТЭЦ. Комбинат грохочет огромными цехами, сверкает огнями содовых и известковых печей сульфитного цеха. Сульфатный цех вздыхает горячим, стопятидесятиградусным паром варочных котлов. Всё оборудование иностранное. Кроме японских моторов, есть и немецкие, самой авторитетной фирмы «Сименс-Шукерт», а весь привод называется «Вард-Леонард», с четырьмя вращающимися прессами и восемью парами огромных, четырёхметровых сушильных барабанов. Пройдёт бревно весь этот цикл, а на выходе из машины получают бумагу.

Древесный цех, захватанная масляными руками дверь дежурки. Нина Чешегорова уже одной ногой на пороге. «Всё в порядке?» – «Да». – «До свидания». – «До свидания». Вот и один... Бросил взгляд на электрические часы: получается, что Нина ушла на полчаса раньше. Да и ладно. В столе библиотечная книга «Военные произведения» Энгельса. А там – обидное про нашего генералиссимуса Александра Суворова. Все его громкие победы приписываются только русскому солдату, его бессрочной службе, а не лично полководческому гению. Он, конечно, уважает Энгельса, но ещё больше уважает Суворова, с его выводами категорически не согласен. Он наперечёт знает все сражения Суворова, все его победы, одна другой ярче и оглушительней. Да что и говорить, все русские генералиссимусы – не чета иностранным! Тем более – Сталин! Болеет, но кто не болеет? Вот бы... изобрести ему самое лучшее лекарство. Только жаль, на Сахалине совсем другие травы, слабые. В Сибири много крепче. А то – в тот же день бы телеграфировал в Москву. Так и так, мол, я своё дело сделал, слово теперь, дорогие эскулапы, за вами. Это слово он совсем недавно записал в свою толстую тетрадку иностранных слов. Как услышит, например, новое слово по радио – пожалуйста, извини-подвинься, – в тетрадь. А тетрадь толстая. Только беречь надо. Одну уже упёрли.

А если... сдать Вождю кровь для переливания, то он первый – за. Пожалуйста. Ведь для него, освободителя братских народов Европы, победителя Гитлера

и японских самураев, ничего не жалко. Любой советский человек отдаст свою кровь. Кто как, а он готов отдать хоть по капле. И не дрогнет, не жалко. Да кому жалко? Разве что какому-нибудь паршивому власовцу. В Поронайске два лагеря, и там их, этих извергов, полным-полно. Он иногда ходит мимо одного лагеря, видит их сквозь колючку, и вот что характерно: лица обыкновенные; увидишь – сразу и не подумаешь, что это враг народа, стрелял и убивал советских людей, быть может, даже пытал. Ужас...

Стены дежурки тонкие, рабочие бригады сделали пересменку, и уже начинает нарастать визг пил, лязг колунов и грохот рубмашин. Откуда-то тянет холодом. В таком случае лучше всего проходит смена в красном уголке. Бильярд, шахматные задачи, то-сё. Пять шагов, и вот вам бетонный куб – тёплый красный уголок. Прямо у входа – бильярдный стол, направо – вперемежку длинные и короткие, щербатые деревянные лавки и длинный, сделанный из вагонки стол. На нём обедают рабочие, а после пол часа забивают козла. На сцене, в углу, стоит радиоприёмник «Балтика», а на столе президиума, покрытом кумачом, всегда лежат шахматы, шашки и домино. В углу – переходящее красное знамя, бахромы которого слегка прикрывают радиоприёмник...

И вдруг хлёсткий удар под дых: «Сегодня ночью умер кровавый тиран русского народа Иосиф Сталин...» Ясно. Чётко. Без хрипотцы. Что-что? Это страшное в кумачовом углу изрыгает премиальный приёмник. Кий остаётся в руке. Ближе... Ближе к приёмнику. И... понеслось... выступление за выступлением. Русский писатель... лейб-гвардии полковник... художник... протоиерей... изобретатель... инженер-судостроитель... статистик... крестьянин... И ни одного слова сожаления, а только бесконечная хула, гадливая радость. Нет конца и края позорной клеветы и поклёпу на лучшего из лучших, любимого Вождя! Тридцатилетняя диктатура... Пытки... Судебные процессы... Первый... Второй... Расстрелы заложников, соратников. Миллионы выживших страдальцев, миллионы погибших, миллионы бежавших за границу. Соловки, Беломорканал, Печора, Магадан, тюрьмы и лагеря. Стоп-стоп! В лагерях-то сидят власовцы! Чего их жалеть, так им и надо, предателям. Но вот говорит какой-то, чудом избежавший возмездия, власовец...

Не мешкая в цех! Пусть ещё кто-нибудь это услышит. Рысью в холодный цех. Между двумя транспортёрными потоками мелькнула прогонистая фигура тридцатилетнего сменного мастера Игоря Октябрьского. К нему – и с ходу: «Игорь! Умер Сталин!!». Тот, испепеляя взглядом, чётко расставляя слова и буквы, шепчет: «Т и ш е! Н е о р и!» – «Правда, правда...» – «За-мол-чи! Не-е хо-чу слу-шать!» – «Но это правда, я сам слышал по радио!» – «Какому ещё радио?» – «По радио сказали, что сегодня умер кровавый тиран русского народа Иосиф Сталин».

Двухметровый Игорь переломился пополам, складным метром наклоняется к уху и выдыхает приговор: «Ты что?.. В лагерь захотел?!..».

О чём говорить с этой трусливой каланчой?! С рабочими не поговоришь: заняты. Надо найти помощника мастера Толю Крылова. А вот и он в полувоенной тужурке и в сталинской кепке, яловых сапогах, коренастый, бульдожистый, но всегда по-товарищески настроенный на доверительный разговор. Уж он-то выслушает. Обращается к азартному Крылову, как к приятелю: «Толя, Сталин умер!» Тот пулемётной скороговоркой: «Я тебя сегодня не видел, ничего не слышал. Ты мне ни-че-го не говорил! Понял? Иди...» Заглянул во все углы, прошёлся тренированным глазом по цеху и стал таким же каменно-чёрным, как и мастер с чудной фамилией Октябрьский.

Чёрт с вами! Пойду к косолапому на один глаз бригадиру Ивану Демьяновичу Бобову. Он крепко пьющий, по пьяни, судорожно захлёбываясь, часто присказывает: «Ти-ти», дескать, ты мне... ну и назвали Тимьян. Он стоит у первого колуна, железным крючком снимает с транспортёрной ленты и ловко подставляет под удар колуна кряжистые сутунки, потом эти же половинки-четвертинки возвращает на транспортёр. Дождавшись паузы, выкладывает ему: «Ты слышал, тёзка? Сталин умер». Тот, дёрнувшись, отшатнулся и чуть было не угодил под колун. «Ти-ти, ври больше, да не завирайся. Уходи, а то – тебя под колун подставлю! Он не умрёт, все грузины живут до ста лет и больше, так и знай, вот увидишь!» И ухватился за ещё более увесистый чурбан, колун зачистил: хряп, хряп... только щепки летят.

И этот не верит. Почему? Оглянулся, а к вестовому человеческого горя, точно сговорившись, с двух сторон, нервно, почти вприпрыжку, вышагивают мастер и помощник мастера, оба грозно машут кулаками, из-за грохота не слышно, но что-то выговаривают. А что тут скажешь? Умер. Умереть-то Вождь умер, но и начальники от неведомого страха чуть было ни окоchureлись. Не к чему дожидаться мастеров – в азарте через пожарный выход ускользает на первый этаж цеха. Заглядывает в каптёрку к смазчику Косте Белову. Нелепо заигрывая, почти юродствуя, с лёгким холодком в голосе спрашивает: «Костя, Костя, можно в гости? – и, хлопнув за собой дверь, едва передохнув, выпаливает: – Костя, Сталин умер!» И с тем – чуть ли не кондрат. Бледно-серое лицо, трясущиеся руки, хриплый голос: «Кто тебе сказал?» – «Радио!» – «Какое радио?» – «Что в красном уголке». – «Не может быть!» – «Видно, может. Раз сильно хворал, вот и умер. Что такого? Лишь какие-то дураки радуются, обзывают Тираном». Костя в полубморочном состоянии спрашивает: «Каким тираном?» Иван скороговоркой: «Кровавым!» Костю не держат отмороженные ноги, не глядя, садится в ковш с солидолом, шепчет: «Во имя... святых, уходи. Тебя жареный петух ещё не клевал, а у меня сироты, и... я знаю... наше радио не может так сказать. Это враги устроили провокацию, вот ты и попался, хоть меня не тяни за собой, прошу, уходи... групповщиной... 58-й пахнет... не хочу в потюремщики...»

К кому ещё можно пойти? Да к шорнику Семёну!

Тот – смелый, озорной, бывалый фронтовик, с орденами, пьяница и матерщинник, одним словом – из штрафников. К кому, как не к нему. Пойду-ка да позову его в красный уголок. Сюрпризом. У шорника самая большая подсобка, а в ней горы невиданной длины и ширины ремней. Ясно, и японские ремни, бывает, рвутся. Для того и держат сменных шорников. Семён из них старший, всегда в работе, но на любое предложение компанейская его душа легко соглашается. Идут. А красный уголок уже кем-то закрыт на замок. Не беда, в дежурке электриков есть запасной ключ. Берут, открывают. Но ...приёмник молчит. Включают, крутят ручки. А-а, понятно... Кто-то с мясом выдернул шнур из приёмника, запах горелой изоляции ещё висит в воздухе...

И только утром, идя со смены в общагу, на дороге увидит встречаемых, странных и непонятных, с траурными, чёрно-красными повязками, навзрыд плачущих людей... Но сам заплакать не сможет...

Кто вырвал шнур, более-менее – понятно, но кто включил приёмник и настроил его на волну «Голос Америки»? – Не ясно. Но и эта ещё не такая мудрёная загадка. Самая заковыристая такая: Иван до старости помнит начало ночной смены – ноль часов с 5 на 6 марта. Приём смены, чтение книги, всё это – не более двух часов. Следовательно, слышал в два часа ночи. Добавить на абберацию памяти – ещё один час. Получится, что в красный уголок он вошёл в три часа ночи 6 марта. Значит, кто-то заранее включил приёмник. И ровно в три ночи заговорил диктор «Голоса Америки»: «Сегодня... умер кровавый диктатор...»

Известно, разница часовых поясов Сахалина и Москвы составляет восемь часов, а Сталин умер в 21 час 50 минут московского времени. И тут не стыкуется любая арифметика. Попробуйте приплюсовать к двадцати двум часам ночи-вечера разницу в восемь часов. Что получается? Получается – шесть часов утра 6 марта 1953 года. А попробуйте отнять от двух часов ночи восемь часов, получите – 18 часов дня, 5 марта 1953 года по московскому времени... То-то! Загадка. Да ещё какая. Ведь надо отдать команду на радио, согласовать с цензором, сообщить: «Urbi ot orbi». Но и там надо обработать, согласовать на американском радио и дать в эфир... и всё за каких-то четыре часа, чтобы мы на Сахалине смогли услышать всё это в два часа ночи. Если нигде и не мешкали, а давали моментально, то нестыковка с официальным временем составляет целых четыре часа! Но разница-то между Москвой и Сахалином целых восемь часов! Значит, мы на Сахалине услышали это сообщение за четыре часа до смерти Сталина!.. Сможет ли кто-нибудь и когда-нибудь отгадать эту загадку-головоломку? Более полувека пытается отгадать её и безвестный электрик...

ВНИМАНИЕ!

1.

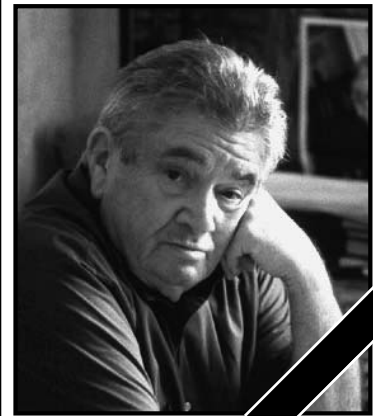
В мае-июне 2009 года редколлегия «ЛитМ» проводит подписку на издание по ценам прошлого года. Стоимость полугодового абонемента – 180 рублей, которые отправляются почтовым переводом на имя главного редактора Костылева Владимира Александровича по адресу издания: 692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16.

2.

«Литературный меридиан» продолжает активно осваивать интернет-пространство. С марта 2009 года мы ведем блог «ЛитМ» в «Живом журнале». Адрес страницы: <http://litmeridian.livejournal.com/>

Заходите, читайте новости, оставляйте комментарии, скачивайте электронную версию «Литмеридиана».

СКОРБИМ

10 апреля 2009 года умер талантливый актёр, одарённый литератор, давний друг нашего издания, член Общественного совета «Литературного меридиана»

Евгений Яковлевич ВЕСНИК

От имени редколлегии «Литературного меридиана», наших авторов и многочисленных читателей приносим соболезнования родным и близким Евгения Яковлевича.

Редколлегия

Шок...

В эту смерть невозможно поверить. Отказываюсь верить. Не нахожу слов. Пытаюсь, но не нахожу...

Смятение...

С нами остаются его роли в кино, в театре, его литературные работы, но главное – добрые дела, мудрые советы.

Третий день в редакцию звонят читатели со всей России – выражают соболезнования...

Он – в нашей памяти, в наших сердцах. Навсегда.

В. Костылев

МАМА ГАЛЯ

(рассказ)

конкурс

9 Мая

Светлана МАЩЕНКО,
п. Приозёрный Амурской области.

*Посвящается всем медикам,
павшим на фронтах Великой Отечественной войны.*

Казалось, горела сама земля. Полустанок, который утром радовал буйно цветущей сиренью в палисадниках, был полностью разрушен. Прямым попаданием бомбы разнесло здание вокзала, из-под обломков слышались стоны раненых. Деревянные дома вокруг дымились, искры, разносимые ветром, зажигали заборы, оставшиеся с зимы стожки соломы, загоралась и трава.

Когда всех раненых занесли в вагоны, санитарный поезд тронулся в путь. Вдруг помощник машиниста взял за локоть ведущего состав товарища: «Ну-ка тормозни, Кузьмич!».

Вдоль безлюдной насыпи брёл малыш в грязно-красной рубашке. Спрыгнув с подножки локомотива, помощник машиниста окликнул мальчика, но тот продолжал шагать не оборачиваясь, с опущенной головой. Одной рукой ребёнок держался за грудь, другой махал в такт шагам. Догнав мальчика, помощник повернул его лицом к себе: «Ты куда идёшь? Хочешь, поедем с нами на поезде?».

Малыш, всхлипнув, потёр кулачком глаза, размазав по лицу грязь и кровь.

В вагоне медсестра сняла с парнишки окровавленную рубашку, перевязала раненную мелкими осколками грудь мальчика – к счастью, серьёзных повреждений не было. Умытый и накормленный, он сразу заснул, положив голову на столик у окна, где пил чай. Медсестра Галина, проведя вечерний обход раненых, вернулась в своё купе и осторожно переложила малыша на полку. Он всхлипнул во сне, но не заплакал и не проснулся. Галя осторожно провела ладонью по лбу мальчика, убирая вспотевшую прядь волос. Лоб его горел, дышал ребёнок прерывисто и беспокойно. На вид мальчику было лет пять-шесть. Очевидно, испугавшись бомбёжки, мальчик убежал с полустанка и в шоке шёл куда глаза глядят.

«Как там мои? Успели уехать от войны подальше или...», – подумала Галя, и перед глазами встала её четырёхлетняя дочка Леночка. Как она на прощание обняла её своими тёплыми ручонками и шепнула: «Мамочка, я люблю тебя и папу, возвращайтесь скорей!..»

Наутро врач осмотрел мальчика и вынес вердикт: контузия, касательные осколочные ранения. От пережитого стресса малыш не разговаривал, хотя слышал всё, судя по тому, как он вздрагивал от любого шороха. Не удалось выяснить ни имя, ни фамилию мальчика: на все называемые имена он только пожимал плечами и растерянно хлопал глазами.

– Ну что вы мучаете человека? – обняв юного пассажира за плечи, Галина повела его к себе в купе. – Хочешь, будем тебя Петей звать, а хочешь, Ваней? Как тебе нравится, а? Ванюшей?

Впервые за всё время глаза парнишки блеснули, губы тронула улыбка, и он кивнул.

– Ну а фамилию тебе можем дать Найденов – красиво звучит, да?

Мальчик снова кивнул, и окружающие заулыбались.

Ваня привязался к Галине, ходил за ней хвостиком, помогал чем мог: носил её сумку с перевязочным материалом, давал раненым пить. В одну из ночей, укрывая парнишку сползшим с него одеялом, медсестра услышала его сонное бормотание: «Мама Галя, пойдём...» Так к мальчику вернулась речь. Днём Галя пыталась узнать от Вани о его прошлой жизни, но он ничего не вспомнил. Налёт «мессеров» на полустанок стёр из памяти мальчика абсолютно всё. Он помнил только страшный грохот, огонь, дым, кусты, через которые бежал, потом поле и остановившийся поезд.

– На следующей станции нашего найдёныша оставим, там есть детдом, лейтенант его сопровождает. Негоже ребёнка по фронтам возить, да и опасно. Готовь, Галочка, его вещи, а справку я написал: где мы его нашли, как нарекли, возраст примерно, – сказал начальник поезда.

Галя сложила в сумку выстиранную одежонку Вани – шитую из простыни рубашку, связанный ею свитерок, завернула в бумагу несколько кусков рафинада да две пачки трофейных галет.

Её питомец грустно смотрел на эти приготовления.

Поезд замедлил ход, лейтенант заглянул в купе:

– Пойдём, тёзка, в новую жизнь определяться!

Глядь, а тёзки нет! Исчез, словно и не было. Обежали весь вагон, всех поспрашивали. Только что видели его – и нет нигде. Лишь вечером Ваня объявился, подошёл к Гале и, обхватив ручонками её колени, прошептал: «Я хочу быть с тобой, понимаешь?..»

Всё-таки Ваню определили в детский дом. Полночи перед этим Галина убеждала мальчика, что ему надо расти и учиться и помнить об их поезде и людях, что помогли ему. А кончится война – Галина заберёт Ваню к себе, и будет он сыном ей и братом её Леночке. Ваня смотрел в большие грустные глаза мамы Гали, и маленькое сердечко его сжималось от неизбежности близкой разлуки...

Попрощавшись со всеми, с кем подружился, мальчик сам сел в кабину грузовика, который и повёз его к мирной жизни.

В детдоме Ване не понравилось. Старшие мальчишки обижали малышей, сваливали на них свои проказы, воспитательница кричала на всех, время до обеда тянулось долго и всегда хотелось есть. Ваня пытался убежать и найти санитарный поезд, но его ловили и возвращали назад. После третьего побега он попал в другой детский дом.

Началась осень, а с ней и занятия в школе. Ивана приняли в первый класс. Он прилежно учился читать и писать, учительница его хвалила. Когда она склонялась над его тетрадкой, положив руку ему на плечо, мальчику вспоминалась мама Галя. По ночам он сочинял ей письма о своей жизни, а потом засыпал, и в его снах она поправляла ему одеяло.

Прошло три года. Наши войска освободили Украину, Белоруссию и шли с боями по Европе.

В один из весенних дней Ваня возвращался из школы с друзьями и отстал от них, заглядевшись на прохожих.

– Что вы делаете? Уберите собаку! – услышал он отчаянный детский крик.

В сквере у высокой берёзы стояла девочка, запрокинув голову. Там, на верхней ветке, сидел взъерошенный рыжий котёнок, а внизу хохотали двое мальчишек, один из них держал на поводке огромную собаку, которая, стоя передними лапами на стволе берёзы, лаяла на испуганного котёнка. Ваня, подобрав по дороге палку, подошёл к мальчишкам, свистнул и, показав палку собаке, швырнул её в сторону. Собака кинулась за палкой, вырвав поводок из рук хозяина. Тот помчался за собакой. А другой парнишка схватил Ваню за ворот и с силой толкнул его. Завязалась драка, исход которой мог быть

для Вани плачевным, если бы не вмешавшийся прохожий. Мальчишки с собакой убежали, а Ваня с трудом снял с ветки берёзы котёнка, от страха расцарапавшего ему руки.

– Спасибо тебе, – улыбнулась сквозь слёзы девочка, принимая от Вани своего питомца, – пойдём к нам, умоешься хоть, вон и кровь, и грязь на лице, да и Рыжик тебе добавил царапин.

Ваня долго отнекивался, но всё же, шмыгнув носом, покорно пошёл за девочкой. Что-то знакомое почудилось ему во взгляде девочки, в её походке...

– Ой, и рубашка у тебя порвана, снимай, я зашью, а ты иди в ванную.

Умытого и причёсанного Ваню ждала на столе чашка горячего чая. Девочка, откусывая зубами нитку, кивнула ему на стол:

– Выпей чайку, я ещё пуговку тебе пришью. Меня Леной зовут, а ты кто?

– Ваня, – ответил мальчик и вдруг застыл: с портрета на стене на него смотрели такие знакомые большие печальные глаза...

– Мама Галя... – пробормотал он.

– Ну да, маму Галей звали... А ты откуда знаешь? Погибла она, бомба в их поезд угодила...

*Возложение арсеньевскими байкерами цветов к мемориалу, посвященному погибшим в годы Великой Отечественной войны приморцам. с. Анучино, 2005 год.
Фотография Сергея ЧЕРНОГО, г. Арсеньев.*

Нам целый мир чужбина...

/рассказ/

Анатолия Зверева все звали Старик. Он был старше многих на курсе, став курсантом в двадцать девять лет. Пришел он из Амурского речного пароходства, где одно время уже занимал должность старшего механика, о чем во время учебы в «вышке» любил в разговоре этак походя упомянуть. Но почетный для флота рабочий диплом механика второго разряда получить успел. Однако вскоре решил, что среднее техническое образование хотя и не помеха, но серьезного служебного роста не дает. И поступил в высшую «мореходку».

– Вот куда наши денежки уходят, – ткнул его кулаком в живот Стас Чертыковцев, – пузо-то у него – держабель! Слабо тебе на курсантский-то кошт!

Но говорил это Стас, не желая обидеть Зверева, просто он так часто шутил.

Жили они с Анатолием в огромной комнате курсантского общежития, где на трехъярусных койках ночевали сто сорок человек и которую командир роты Филонов называл иногда казармой, а курсанты – только кубриком. Толя Зверев занимал нижнюю койку, Стас верхнюю, а на средней «койлался» Феликс Поздняков, среди курсачей – просто Фекса. И все на курсе были «мальчики».

В общежитии «мальчики» появлялись редко – распорядок дня был строгий: с утра и до двадцати часов ротный Филонов выпроваживал любителей поволянить в учебный корпус, несмотря на убедительные слова, что в спальном корпусе им побывать очень надо. Их Михаил Иванович подзывал к себе.

– Живот болит? И голова? – спрашивал он. – Я тебе помогу. – Доставал из кармана и разламывал пополам таблетку: – Это от головы, а это – от живота. Полегчало?.. Это правда, Шпилько, что на семинаре по истории КПСС ты заявил, что движущей силой Великой Октябрьской социалистической революции была буржуазия?.. Одной из движущих? Ну, это другое дело. А теперь – марш в учебный корпус, оболтус! И больше не смей позориться!

На Мишу Филонова (как его между собой называли курсачи) не обижались, его любили.

И случилось так, что в теплый осенний вечер дежурный по училищу майор Филонов пошел делать обход территории, и стало ему в шинели жарко. Миша завернул в роту и шинель снял. А Стас Чертыковцев и Поздняков Фекса уговорили Толю Зверева, он шинель надел, снял с вешалки старую Мишину фуражку и тоже пошел на обход.

Он появился в общежитии, где проживали первокурсники-судоводители. Те всполошились: левый рукав шинели «майора» Зверева обхватывала сине-белая повязка, и это говорило о том, что «майор» –веряющее строгое лицо.

– Построить роту, – приказал суровым голосом Зверев.

– Р-рота-а, в две шеренги – становись! – скомандовал ротный старшина. «Майор» с важным видом пошел вдоль строя.

– Почему не завязаны на ботинках шнурки?.. Наряд вне очереди!.. Вам необходимо постричься, курсант должен иметь опрятный внешний вид. Два наряда! Почему смешки? Комму смешно?.. Пуговицы не застегнуты – один наряд! Первая шеренга, два шага вперед – шаго-ом арш! Кру-гом!.. Палуба грязная – почему не сделана вечерняя приборка? Дежурный по роте! Доложить утром командиру роты!

В это время майор Филонов вернулся за шинелью. Дежур-

ный курсант не стал юлить и выложил все как есть: в чем, где и с какой целью находится курсант Зверев. И Миша пошел в соседнее общежитие. «Майор» Зверев продолжал там бушевать.

– Зверев! – рыкнул Миша. – Ко мне!

«Майор» в офицерской шинели, но курсантских брюках хэбэ и рабочих ботинках «давах» подбежал и поднес руку к козырьку фуражки:

– Товарищ майор, по вашему приказанию...

– Чистить гальюн три вечера подряд! – грянул Миша. – Шинель – мне! И фуражку тоже. Рота-а! Разойдись! Курсант Зверев, ко мне – на собеседование!

Лет через десять в югославском порту Риека второй механик теплохода «Ованес Туманян» Сталик Петрович Чертыковцев, идя по улице, неожиданно услышал знакомый, в растяжку, говор.

– Толя! Зверев! – выкрикнул он.

Солидный моряк в кителе и фуражке с «крабом», широким лицом и великолепным брюхом обернулся и расплылся в улыбке:

– Стас! Сколько лет, сколько зим!

– Я всем говорю, – ответил длинный, как жердь, второй механик, – что мужчина с животом не имеет морального права на женщину. – И крепко обнял Анатолия Зверева.

Хорош был вечер вдвоем в небольшом придорожном кафе и потом, когда бродили по узким улицам прекрасного города, раскинувшегося на берегу нешумного Адриатического моря. Толя работал старшим механиком на крупном теплоходе Одесского морского пароходства и в Риеке оказался по пути из Алжира, а Чертыковцев принимал из новостроя «Ованес Туманян». Они не виделись шесть лет. Зверев погрузил, движения были плавны, а речь размеренна.

– А ты? Каким худым был, таким и остался, – парировал Анатолий.

– Кто из наших в какой должности и где?.. А я ведь тоже там побывал... Нет, черноморы в Китай ходят редко. Балтика – да, это наш дом. Стран вокруг нее напихано много, все меньше Приморья, но ведь как – то живут люди!.. Мы на Западе редкие гости, больше Индия, Индонезия, Вьетнам. Япония? Конечно. Лучшая страна мира, все доступно: от высоких технологий до футбола... В Аргентине всего один раз. Куба – да, мы там свои... Я еще холост, потому что еще молод. А у тебя? Двое сыновей? Ты, брат, разбогател... Слышал? Миша умер! Золотой был мужик и командир прекрасный... Как он тогда тебя песочил! Но ты все осознал, правда?.. Каждый год встречаемся пятого января – в день выпуска... Вот бы и приезжал! Всего-то десять тысяч километров... Хорошо было нам! Перефразируя Горького, скажу: «Всем хорошим во мне я обязан ДВИМУ»... Нет, мало кто оставил флот, есть некоторые в береговых службах... Трудимся, как учили... Из выпуска многие в старших механиках... Андрей Котляров и Толя Щетинин неожиданно померли... Остальные живы... «Все те же мы: нам целый мир чужбина, отечество нам Царское Село». Это для Пушкина. Для нас отечество – Владивостокское высшее инженерное морское училище. Наш Мыс ВИМУ.

Рукопожатие курсачей–мореходов было крепким.

Старший сержант Виктор Ваганов.
Сентябрь 1943 года.
Район г. Зубцова. Центральный фронт.

Январь 2009 года. Дальний Восток. Город Владивосток. Виктору Андреевичу Ваганову 87 лет. Справа автор книги «На честную память» Владимир Тыцких.
Фото Сергея Юдинцева.

Война Виктора Ваганова

/Окончание.
Начало на с. 1/

Судьба смилостивилась, когда на пути встретился Николай Александрович Васильев, директор школы, где Ваганов окончил 2 класса. Так Витя стал членом большой и дружной учительской семьи. Жили при школе. Ваганов и до этой счастливой встречи неплохо рисовал карандашом и кистями. Особенно хорошо получались портреты Блюхера, Будённого, Тухачевского, других героев гражданской войны. В новой семье он рисовал с ещё большим усердием.

Весной 36-го арестовывают директора. Его жена вынуждена уволиться из школы. Витю определяют в детский дом, вскоре переводят в интернат, который был открыт в Кунгуре. Страсть к творчеству усиливается, мальчик активно посещает кружок изобразительного творчества.

Жизнь подростка стала налаживаться. При военном оружейном заводе, в пригороде Перми – Мотовилихе – он учится в школе фабрично-заводского обучения... В Кунгуре Ваганов с отличием заканчивает художественно-промышленную школу. Восемнадцатилетний юноша, работая на фабрике художественных изделий, принимает участие в конкурсе поделок, который проводился в Свердловске. Его ждёт успех: за статуэтки «Чапаев на коне», «Лётчик» и «Шахтёр» он получает большую денежную премию. Виктора назначают инструктором по производству в экспериментальную художественную мастерскую, созданную при фабрике, здесь внедряются новые способы обработки изделий из камня. Художнику Ваганову, несмотря на возраст, доверено выполнить сложный заказ Москвы: расцветить уральскими самоцветами щит, который планировалось установить на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Намечался ещё один грандиозный план – строительство Дворца Советов. В число приглашенных для участия в этом проекте попал и Ваганов, но вмешалась война, внёсшая существенные коррективы в судьбу девятнадцатилетнего парня. Молодежь рвалась на фронт.

21 июля 1941 года Виктор Ваганов призван в ряды Красной Армии. Виктор Андреевич вспоминает: «Не знаю, как сейчас, но по тому полуголодному времени... можно было остаться без отца и матери, без родни, быть беспризорником... быть никем, но всё-таки стать человеком, добиться успеха в жизни. Так что мне было кого защищать и за что сражаться». Фашисты – под Москвой. 16 ноября 1941-го стрелковый полк, в котором служил рядовой Ваганов, погрузился в эшелон и покинул Свердловск, где бойцы осваивали теоретические премудрости войны. Под Ярославлем спешились и колонной двинулись в сторону фронта. Так началась долгая война простого русского солдата Виктора Ваганова. И продлилась она до самого победного 1945 года. Из Восточной Пруссии его 371-ю Витебскую орденов Суворова и Кутузова Краснознаменную дивизию перебросили на Дальний Восток. В Порт-Артур старший сержант Ваганов прибыл сотрудником редакции газеты «Сталинец». В ту пору ему шёл 24 год.

Сегодня Виктору Андреевичу 87 лет, но он бодр и при светлой памяти. С ним интересно беседовать о прошлом и, конечно же, о настоящем. Он неравнодушный человек. Его рассказы можно слушать часами. Вспомнить есть что. Это и беспризорное детство, и полная надежд юность, и суровая боевая молодость, и добросовестная работа художником в газете ТОФ «Боевая Вахта» – до и после выхода на пенсию, и справедливая оценка жизненного пути – звание заслуженного работника культуры Российской Федерации. И всё же самым ценным является орден Красной Звезды – за боевые заслуги. Ваганов считает, что без везения на войне не выжить. Ему везло, но было и так, когда всё могло разом закончиться. Об этом – эпизод «Под Клином».

**Материалы полосы подготовили
Евгения Липовка, Сергей Юдинцев.**

Владимир ТЫЦКИХ.

ПОД КЛИНОМ

Глава из документальной повести
«На честную память»

Рисунки Виктора ВАГАНОВА

1942 год. Снайпер Н. Полковников, уничтоживший 49 фашистов. Город Зубцов.

1944 год. Командир орудия Н. Шатров.

После трёхсуточного штурма 1233-й стрелковый полк ворвался в Клин. Взятый в кольцо советскими войсками, к утру 15 декабря город будет полностью очищен от врага.

В Клину получили короткую передышку. Бойцы устали: натруженные, свинцово отяжелевшие ноги не хотели двигаться. Много суток шли солдаты с боями без сна и отдыха, питались большей частью всухомятку. Даже чаем погреться удавалось редко. Но прежде всего хотелось спать. И там, где располагались на отдых, люди мгновенно проваливались в сон...

«В белоснежных полях под Москвой...». Теперь многие «россияне» не знают песни, которую почти полвека пела вся Советская страна...

«В белоснежных полях...». А были они не только белоснежными – в чёрно-рыжих воронках вывернутой снарядами и минами земли... В бесчисленных пятнах краткое мгновение дымящейся – красной, а потом – бурющей, в коросту смерзающейся человеческой крови... В серых, пепельных заплатах остывших и ещё курящихся вонючими дымами пожарищ. Тогда в Подмоскovie местами не было сплошного фронта, немцы сидели по деревьям, спасаясь от холода, а когда отступали, факельщики старались всё спалить...

Артиллеристы оборудовали огневые позиции прямо в снегу: земля промёрзла до окаменелости, никакой сапёрной лопатке не давалась – хоть взрывавай!

В батарее из четырёх осталось два орудия, несколько лошадей – пушки-то на конной тяге – выбило, кто-то из солдат ранен, кто-то уже – убит.

Виктор не ведал, на сколько лет и зим растянется безжалостная, без счёта пожирающая человеческие души, калечащая людские тела война, но понимал, что она будет долгой. И, стараясь не думать о смерти, всё-таки признавал – ему пока везло на этой войне...

– Ну что с тобой, Ваганов, делать? – развёл руками комиссар полка майор Нефёдов. – В тыл отправлять?.. Давай почтальоном... У нас как раз Гришин выбыл, ранило его. Пока приходи в себя, вот, поработай. Иди к начальнику ветчасти, передай подполковнику, что я приказал тебе выделить верховую лошадь. Лошадь, вот, и чтобы седло. И приступай к работе.

Он только вернулся из санчасти, где пролежал пару недель с контузией...

1233-й стрелковый полк полковника Решетова первым ворвался в Клин. Рядовой Ваганов, в недавнем прошлом замковой 45-миллиметровой пушки, абсолютно героической противотанковой «сорокопятки», уцелевший под бомбами, которые на подходе к городу

накрыли остатки его батареи, был переведён во взвод конной разведки.

Решетовцы отдохнули пару суток и выдвинулись на Высоковск, уже взятый нашими. Рано утром 16 декабря походные колонны полка вышли из Клина. Вдруг с колокольни по хвосту колонны хлестанула автоматная очередь... Оказалось, там затаился гитлеровец. Его схватили. Вид фашиста был ужасен: грязный, голова обмотана одеялом, поверх шинели натянут рваный полушубок, ноги в больших соломенных чунях...

Придорожный пейзаж – обычный для фронта. Кюветы, обочины завалены разбитой и брошенной немецкой техникой: танки, бронетранспортёры, штабные машины. Ветер гоняет по снегу бумажки – ещё вчера, быть может, важные какие-то документы... Приглушенная расстоянием, слышна канонада. Решетовцы снова идут туда, где гремит бой.

За Высоковском, когда до ближайшей деревни Красный Посёлок оставалось километра полтора, комполка приказал прощупать, что там и как. С наступлением темноты отделение разведчиков, восемь человек, ушло на задание. Осторожно подобравшись вдоль речки, подъехали к деревне. Тихо вошли, огляделись. Командир отделения сержант Денисенко одного послал в полк с донесением, что деревня свободна и приказ исполнен на все сто: и для санчасти здание отыскали, и для штаба целёхонькое нашли.

Во дворе крайнего дома обнаружилась крепенькая банька, оборудованная немцами, дзот настоящий: накаты брёвен и сверху хороший слой земли. Её разведчики облюбовали для постоя. Уральцы дивились: никак не ожидали увидеть баню без пола, баню по-чёрному. Казалось, Подмосковье, ближе к цивилизации. И Ваганов раньше не встречал такого. В литературе читал об этом, а видеть не видел. А тут, смотри-ка, под самой Москвой – баня по-чёрному...

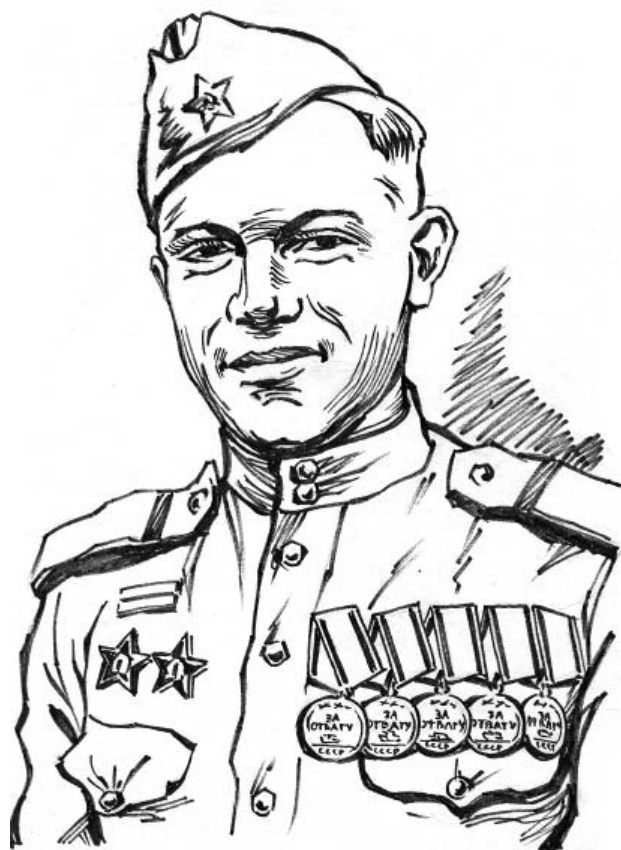
Гонец уехал, остальные, привязав коней по периметру городьбы, расположились отдохнуть в бане. В шутку немцев благодарили: соломку фрицы постелили...

Часов в 10 вечера 1233-й стрелковый стал втягиваться в Красный Посёлок. Молча, без огней, без – не дай бог! – курева. Но – снег, мороз; разумеется, скрип колёсный. Повозки были не санные – длинные такие армейские повозки на колёсах. Зима холодная, далеко разносится скрип по снегу.

Немцы не глухие: за речкой, на взгорке, надо полагать, был у них НП. Едва полк сконцентрировался в деревне, загремела канонада.

Ребята отдыхали, а Ваганов сидел в середине блиндажа: развёл на земляном полу огонь, варил из концентратов кашу. С недолётом упал первый снаряд, с перелётом – второй, и Виктор успел подумать, что несколько накатов брёвен и вот эту могучую матицу над головой едва ли пробьёт. И только он так подумал, баньку рвануло. Хорошо ещё, земля накрыла, потушила костёр. И Ваганова, придавленного обрушившейся кровлей, присыпало этой спасительной землицей.

Очнулся – светало уже. В глазах красные круги, рука правая зажата бревном, под шинель набилась земля... Опять же, родная, оберегла – и от холода смертного:

1945 год. Ефрейтор Валентин Попов, разведчик. Награждён двумя орденами Красной Звезды и пятью медалями «За отвагу». Восточная Пруссия.

1945 год. Старший лейтенант Владимир Прокопьев, фронтовик, командир танковой роты. Дальний Восток. Город Уссурийск.

за ночь под калёными брёвнами – недвижимый, бесчувственный, похороненный заживо – очоурился бы солдатик, как пить дать.

Утихомирились неохотно кровавые сполохи, и малопомалу разглядели глаза свет Божий. Струился он откуда-то сбоку-сверху, через дырочку невидимую проникая извилистым путём в толщу завала. Давай разведчик царапаться одной левой, выручил беспомощную правую, вытащил её, ощупал, убедился обрадованно – целы косточки, прижал к телу. Долго ли, коротко ли выскребался из-под земли, оставалось, кажется, совсем немного, и тут кто-то подошёл. Откопали его, подхватили, поставили на ноги, и двинулся он сначала сам, но недалеко утлепал – пришлось однополчанам положить на носилки. В санчасти оглядели: вроде и нет ничего особого. Только рука висит плетью. Ну тошнит, голова кругом, мозги качаются из стороны в сторону, ноги не держат – это пройдёт. Начальник санчасти майор Обухов удивлён: ты, говорит, в рубашке родился. Один из семерых... Да, повезло!

Вот только заикается. И отчего вдруг, ведь не успел испугаться: варил себе кашу, бах и – улетел, откуда испуг-то?

Разрыли блиндаж, мёртвых прибрали по-фронтовому. Только шапку вагановскую не нашли, без шапки остался. А тут вскорости командир вызывает. Как в этакий морозище стриженному под ноль? Намотал одеяло на голову, потопал. И попутно – к зам. по тылу капитану Елизарову. Тот оправдывается: сейчас, мол, шапок на складе нет. Нервные все раздали. Вон – махнул рукой – там, в овине, лежат шапки раненых бойцов...

Ваганов правду знал. Этим «раненым» шапки уже не понадобятся. Однако куда деваться, заглянул в овин. Смотрит, точно: два вороха ушанок, штук сто будет, наверное. Порылся, отобрал размера подходящего. Двумя пулями автоматными пробита обнова вот здесь, в затылке. Чуть только окровавлена. Это потом почистится, подотрётся. Состирнуть не выйдет – зима во какая, где тут высушишь? А дырочки зашить – дело нехитрое...

Ему и впрямь несказанно пофартило в тот день, когда снаряд накрыл на отдыхе отделение конной разведки. Видно, попался уральцу добросовестный ангел-хранитель, не утратил он бдительности 13 января 1942 года. Как раз в день рождения рядового Ваганова – исполнилось ему ровненько двадцать. Однополчане после подначивали: вот, говорили, фрицы подарок прислали – на всю жизнь запомнишь.

Запомнил.

Жена рассказывала: уже после войны, когда были Люба, Любовь – тоже – Андреевна, с Виктором на ближних подступах друг к другу, брал, случалось, разгон ухаждёр: «Лю... Лю... Лю...». А она ему якобы: «Ладно, не напрягайся, видно и без слов, что любишь». У Виктора Андреевича своя интерпретация исторических событий: «Нет уж, не настолько я был в затруднении. А потом, с женой что, с женой проще, она же не коллектив какой, с ней говорить – не на митинге выступать. Дразнила она меня так. Так сама заикаться стала»...

Сентябрь 1943 года. После боя.
Старшина роты В. Чугаев. Район города Починок.

Морской волк. Балтика.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(рассказ)

конкурс

9 Мая

Шел тысяча девятьсот сорок пятый год.

В один из майских солнечных дней спокойный и тихий с виду поселок превратился в жужжащий улей: ближе к полудню в сторону центральной площади поселка бурным потоком устремились селяне. Шли торопливо, ускоряя шаг, порой переходя в бег, будто боялись опоздать к назначенному времени.

Вслед за взрослыми гурьбой бежали, едва поспевая, дети от мала до велика. Обгоняя друг друга, иногда сталкивались, сбивались, падали, а поднявшись, снова бежали, на ходу машинально отряхивая одежду.

На самой большой площади приморского поселка Семёновка людей собралось много. Все были возбуждены предчувствием ожидания, переговаривались, недоумевая о причинах неожиданного сбора.

В многолюдном гомоне никто сразу не заметил, как на импровизированную сцену поднялся высокий седовласый мужчина. Он пытался что-то сказать, обращаясь к толпе, попытался перекричать, вклинить во всеобщий гул голосов:

– Товарищи!..

Но возбужденный гул продолжался.

Наконец кто-то обратил внимание на говорящего, и толпа стала стихать.

– Товарищи! – выдохнул и после паузы произнес:

–Товарищи! Война окончилась!..

Что тут началось! Люди бросились друг друга обнимать, поздравлять. Где-то кричали нестройно: "Ура!". Мужчину, пытавшегося продолжить свое выступление, несколько селян подхватили и стали подбрасывать... Знакомые и совсем незнакомые жали друг другу руки, улыбались и плакали одновременно.

На фоне всеобщего ликования никто не обратил внимания на двух девочек, пяти и десяти лет, стоящих понуро немного поодаль. Младшая редела. Та, что постарше, пыталась сестренку успокоить. К ним подошла женщина. Она жила по соседству с ними, на одной улице.

– Тю! Дивчатки! А де мамко? – спросила она с заметным украинским акцентом.

– Мамка на работе. А папка вот не вернулся. Другие вон с папками стоят, – кивнула старшая в сторону детворы, держащей за руки крепко своих отцов.

– Та вы не плачьте! Вернется и ваш папка. Идите вон к детям! – и легонько их подтолкнула.

С того яркого, многолюдного праздника радости и печали прошло немало времени. Каждый звук, каждый скрип, каждый шорох отдавались в сердцах. Ждали отца неистово, надеялись. Но прошла весна, закончилось лето. Его все не было.

Поздним октябрьским вечером в дом неожиданно постучали. Постучали робко, очень тихо. Домочадцы услышали, насторожились, примолкли – может, показалось? Вдруг засомневались. Нет! За дверью снова постучали, уже смелее.

– Кто там? – тихо спросила хозяйка. Молчание... Потом вдруг срывающийся хриплый голос из-за двери: – Галю! Це ж я! Открывай!..

Женщина, услышав приглушенный голос, сначала растерялась, потом встрепенулась и, спеша открыть дверь, не сразу смогла откинуть засов,

В дверном проеме стоял высокий мужчина, руку оттягивал заплечный мешок. Его лицо скрывала густая щетина. Девчонки его испугались. Кинулись к матери – ведь они не видели отца целых четыре года, а для детского возраста – это целая вечность. Он для них, считай, чужой дядя, ведь одной до войны было чуть более пяти лет, а другой – и того меньше.

– Мама, кто это? – кинулись поначалу к матери.

После некоторого замешательства отец скинул с плеча ношу, подхватил обеих девчушек на руки, крепко прижал к себе, обнял. Постепенно они освоились на руках отца, успокоились. Стали гладить его глаза, волосы, обросшие щеки.

От счастья встречи по огрубевшим и колючим щекам отца скатилась скупая слеза...

Они уйдут НЕЗАМЕТНО

конкурс

9 Мая

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

Моему отцу,

Кочеткову Василию Петровичу, посвящается.

1

Вечером на семейном совете было решено: в детский сад я завтра не иду!

Спасибо температуре. Когда она повышается, ты становишься особо любим, балован и накормлен чем-нибудь очень вкусеньким. А утро завтра будет тихим и можно сладко тянуться до обеда. Ты медленно пробуждаешься, обнаруживая себя. В комнату сквозь окна и двери начинают сочиться знакомые звуки...

Я слышу, как в гостиной неспешно шаркает по ковру старенький веник. Это не спит отец. У него сегодня тоже выходной. Сползая с высокой кровати и не сразу попав тёплыми ногами в стоптанные тапочки, бегу к нему. Отец улыбается моему сонному лицу. Он-то встал уже давно, потому что привык в дни дежурств выходить из дому в пять часов, когда Русский остров ещё дремлет вместе с жителями, транспортом и рассветом.

Сегодня ожидается отличный день, несмотря на то, что придёт врач, который будет выпрашивать у моего горла сиплое «А...» и выпишет горькие таблетки.

Какая холодная вода в нашем кране! Сразу просыпаешься и, вопреки простуде, прыгаешь по квартире, огромной и неисчерпаемой со всеми её закутками. Я знаю, где лежат разные штучки. По просьбе отца быстро нахожу любую, к великому его изумлению и моему веселью. В шкафчике с резными дверками притаились конфеты. Притаились от меня. Но их уже мало... На подоконник присел воробей. Надо бы поделиться с ним колбасой. А птицу с красной грудкой я ещё не знаю. Побегу посоветуюсь...

Стоп! Здесь надо затормозить. За этим порожек – комната отца, где должно быть сейчас очень чисто, потому что он делает себе перевязку. Можно только тихонько подойти и, почти не дыша, заглянуть в жуткую пещерку, уходящую в кость на ноге, ниже колена. Это фронтовая рана. Говорят, что была война и мой отец воевал. Как это странно: война... И почему рана открылась, не желая заживать? У меня же заросли все разбитые колени!

Любопытно и страшновато: какой человек изнутри разноцветный и влажный! Белая здоровая кожа ноги, розовея, заворачивается внутрь полости, выстилая её продолговатый вход, истончается в глубине и пре-

вращается в желтоватую, ничем не прикрытую живую кость. В направлении колена взгляд проваливается в темноту. Вся эта бездна упрямо сочит сукровицей, отвергая лечение. Редкими днями видимое нутро раны выглядит сухим и розовеющим. Тогда мы тихо радуемся: зарастает! Но через некоторое время что-то в организме бунтует, повязка опять мокнет, а лицо отца грустнеет.

Сегодня его брови немного сошлись над медленными серыми глазами. Мне понятно: дела нехороши... Из бутылков джиннами освобождаются резкие запахи. Я старательно держу пинцет с кусочком ваты и удивляюсь, как в полости пенится и шипит налитая отцом жидкость. Наконец рана заглатывает

тампон со свежим лекарством, и чистая спираль бинта прячет беду. До вечера. Изодня в день. Много лет подряд...

За окном кружит снег. Я радуюсь, прилепив нос к стеклу и выжидая момента, когда удастся незаметно высунуться в маленькую форточку за глотком чистого зимнего воздуха, быстро её закрыть и не свалиться с табуретки. На звук хлопнувшей створки тут же повернёт преданную морду цепной пёс, надеясь на лесную прогулку. Рядом с ним во дворе разлеглась до лета недоделанная отцом лодка. Кверху килем, ожидая спуска на воду, походя на странную белую рыбу. Весной мы будем конопатить щели в её округлых ребристых бочках, прокрашивая ярко-оранжевой краской. А потом лодка станет серой, похожей на все настоящие корабли. Я поймаю свою первую краснопёрку и уже никогда этого не забуду!

Отец, похоже, смотрит сквозь хлопья, заглядывая в глаза небу. Предчувствует: усердная зимняя ночь изваяет такие сугробы, из которых не так-то просто будет выбраться. А уж на больной несгибающейся ноге – попробуй пройди.

Но я-то знаю, завтра ровно в шесть часов красивый низкий голос обратится к сонным обитателям квартир с простыми и знакомыми словами: «Доброе утро, товарищи! Говорит радиоузел Дома офицеров...»

Дом офицеров стал для меня вторым домом, где никто никогда не спрашивал, куда я иду. Курносая девочка гордо шлёпала по каменной лестнице на третий

этаж и открывала тяжёлую железную дверь, надпись на которой предупреждала: «Вход запрещён». Это лучшая привилегия за всю мою жизнь. Но я об этом пока не догадываюсь.

Из своей комнаты слышу, как на краю запорошенного двора в маленьком теплом курятнике гортанно кричит белоснежный петух, а в такой же белой школе, заглядывающей окнами в дом, звенит звонок. Туда ушла мама – она учительница. На кухне что-то варится, и пахнет всё вкуснее. Взираюсь на своё законное место у окна – высокий стул с подушкой. Отец, приустанов хозяйничать, садится напротив, вытянув больную ногу. В домашней тишине посреди снегопада начинается сказываться сказка. У героев разные голоса и лица. Положив подбородок на ромашки скатерти кухонного стола, с интересом слежу, как шевелятся тонкие губы отца, извлекая ветер, рычание волка или звуки оркестра... Подвижные брови тоже играют роли. Я невольно подражаю, и мы не замечаем, что к нам, шипя и сползая пеной, присоединился убегающий из-под крышки суп.

2

...Постепенно я узнала, что скрывается под словом «война» и как эта война пришла в жизнь отца.

...Его последнее безмятежное лето, ни о чём не ведая, наступило в назначенные небесной канцелярией сроки, туманя по утрам остров и радуя дневным солнышком. Море уже заманивало детвору плюхаться с замираньем сердца со старенького покосившегося пирса. Мальчишки с улицы Экипажной готовились к футбольному матчу со сверстниками с Подножья. Стадион, исхлётанный по весне дождями, плотно окружила молодая зелёная трава, в которой иногда можно было увидеть длинноногую серую цаплю, вытянувшую тонкую шею.

По лесу, по склонам и полянкам вокруг деревянного домика, построенного моим дедом, бродила непрерывно жующая бурёнка с томными миндальными глазами, шевеля влажными ноздрями и позванивая колокольчиком.

Сегодня в этом домике бабушка со своими дочерьми пекла пироги, варила щи с крапивой и колдовала ещё над чем-то особенным. У моего отца – день рождения. Не простой. Ему восемнадцать. На улице за столом, притулившимся к стене с двумя оконцами, уместилась большая семья. Бабушка, потерявшая недавно мужа и вдруг располневшая от какого-то нездоровья, радовалась детям, собравшимся вокруг неё – хлопотливой и сердобольной. Гуляли долго, до яркой луны, под тягучие песни да вой собак...

А потом уже долго не гуляли. Через шесть дней началась война.

Бабушка по одному отрывала от себя сыновей. Молилась перед образами. Отец ушёл третьим.

Длинный состав, вихляя и громохая, приближался к Курску. Колёса, вздрагивая на стыках, выбивали один и тот же бесконечно повторяющийся аккорд,

на который упрямо ложились тревожные мысли.

На краткосрочных военных курсах мальчишка с Русского острова превратился в младшего лейтенанта и получил в подчинение взвод автоматчиков из бывших заключённых. Научился мало спать, быстро окапываться, узнавать по глазам страх – и не брать в разведку. А вот чуять выстрел...

Сегодня опять наступление. Но природа об этом не знает. Солнышко ласково заглядывает в глаза, щебечет птаха, а облака – ну точно как на родине, на маленьком далёком острове у самого солёного моря! Отец вылез из окопа, присел на краю, закурил. Вместе с дымом вдохнул воспоминания. Как там «избушка на курьих ножках»?..

Посреди забытья куда-то рванулось небо. Тело глухо ударило о дно траншеи. Нога, которая миг назад упиралась в бруствер, взмокла от горячей крови, наполняясь невыносимой болью. Заныло плечо: на рукаве – окровавленные ключья. «Мама...» Так захотелось к ней прижаться... Кто-то перевязал наскоро, устроил поудобней до конца боя, который сейчас должен начаться. Взвод поднялся в атаку без командира. Молодое тело, развороченное в двух местах осколками снаряда, не подчинилось, стало чужим. Сознание туманилось, уходило – возвращалось на краткие мгновения и уходило снова... Начался новый отсчёт времени – сколько терпеть, сколько ждать... Успеют ли?..

Очнулся, и тут же вернулась боль. В свете операционной плывут усталые глаза хирурга. Прищуренный взгляд изучает рану на ноге: «Лучше бы, конечно, ампутировать...», – резанул тихий голос. Хирург внимательно, почти по-отечески, заглядывает в обескровленное лицо молодого бойца. «Ты как, дружок? Отрежем – и будешь жить. Ведь гангрена...» Вчерашний мальчишка, любимец местной футбольной публики, удивлявший стадион виртуозными пенальти, собрав последние силы, дрожащими губами выдохнул грудное «нет» и опять потерял сознание.

Он не знал, сколько времени боролись врачи. Когда очнулся, первым делом проверил ногу – на месте! Едва опять не потерял сознание. От радости – сильной, безудержной, какой он не знал никогда...

А дальше – дни и ночи: сутки, недели, месяцы... Дорога с фронта до госпиталей изнуряла: машины, вагоны, носилки. Он почти забыл, как жил без боли. Наконец город Баку. Последний госпиталь, окончательно вернувший к жизни и поставивший точку в военной биографии. Неоднократные операции, перевязки и... добрые заботливые руки, которые невозможно забыть...

Отец хорошо узнавал эти неторопливые руки медицинской сестрички, старавшиеся изо дня в день не причинять боли. Уставшее тело наконец начало оживать и хотеть двигаться. В одно прекрасное утро несмелый солнечный свет как-то по-особому упал на девичье лицо с двумя кокетливыми ямочками на щеках. Лейтенант вдруг разглядел, каким красивым бантиком сложены её улыбочивые губы и как непредсказуемо растекается по щекам румянец во время работы.

В какой-то момент он понял, что ждёт. Ждёт, когда скрипнет тоненько дверь и в проёме её появится стройная невысокая фигурка, ненавязчиво обхваченная всегда чистым халатиком. Ждёт, чтобы услышать голос, в котором переливаются самые красивые на свете звуки, и увидеть большие сострадательные глаза, в которых теряется время...

Она закончила перевязку и заботливо укрыла раненого одеялом. Его рука протянулась ей навстречу: «Иди сюда, Лида». Маленькая ладошка с тонкими стерильными пальчиками утонула в его большой, уже окрепшей ладони, не желающей разжиматься. Лида не противилась... Он увёз её с собой, от одного моря к другому, на свой маленький, но такой любимый остров.

Повреждённая рука затянулась, сохранив неисчезающий узор шрамов. Нога зажала, затаив внутри себя пустоту от снаряда, и уже не сгибалась. В документах значилась инвалидность третьей группы.

3

Скоро 9 мая. Я уже учусь в пятом классе. Сегодня в школе генеральная уборка. Блестят окна, цветы, а со стареньких затёртых парт снят верхний исторический слой. И Колькино «Я тебя...» тоже исчезло. Зато в раздевалке рукава моей новенькой куртки завязаны узлом, в котором закодировано невысказанное. Справляюсь с узлом и бегу домой. Надо пришить к форме свежие кружевные манжеты, воротничок и погладить белый фартук: завтра вместо урока истории – встреча с ветеранами, на которую приглашён и мой отец. Уверена, под вечерние новости в телевизоре он достанет из шкафа торжественный костюм, проверит его на предмет безупречности, будет разглядывать, поглаживая, орден, медали и что-то делать с разноцветными наградными планками. Растревоженный, может быть, расскажет какую-нибудь фронтовую историю.

...Отец входит в класс знакомой твёрдой походкой, слегка хромя на левую ногу. Мои глаза ищут Кольку. Он меня не видит. Голос отца звучит ровно, привычно, и я начинаю дышать. На столе в вазочке наклонились красные гвоздики, будто прислушались. В эти минуты линия фронта проходит здесь, в тишине класса. Я почему-то вдруг вспоминаю далёкие вечера со сказками, а ещё о том, что сейчас у отца, под тканью парадного костюма, под бинтами саднит та самая рана...

Со стен кабинета смотрят бесхитростные глиняные черепки – оставленные временем свидетельства жизни местного древнего поселения на берегу одной из прекрасных бухт, где я так люблю купаться. На плакатах назидательно чернеют столбцы так и не запомнившихся дат, а на истёртой указкой карте червячками извиваются линии рек и границ. Рядом с буквами «Курская дуга» силось разглядеть тот самый окоп, на краю которого жизнь отца сделала крутой поворот...

Несколько пар знакомых глаз по очереди заглядывают в мои. Я легко читаю в них не обычную благодарность за домашнее задание по математике и не вос-

хищение результатами стометровки – с сегодняшнего дня моему и так большому школьному авторитету нет равных.

После классного часа Колька провожает меня домой, увлечённо рассказывая про Ворошиловскую батарею, форты и военный городок, в котором он живёт. До дома всего несколько метров, и дороги не хватает на Колькины рассказы, к тому же у школьного крыльца призывно сигналит болотного цвета «газик», который ежедневно привозит его на уроки.

На следующий день в тени разросшихся во дворе кустов шиповника он смущённо протягивает мне открытку с изображением легендарной «Катюши». На обратной стороне скачут по двум строчкам неровные мальчишеские буквы. Несколько ошибок в одном предложении хранимы мной до сих пор...

4

...Приближается последний звонок. За ним – экзамены и выпускной. На краю детства пытаюсь услышать своё сердце и куда-то шагнуть. Но это не самое трудное. Изнутри выжигает неодолимая грусть – отец опять лежит в госпитале. Но время уже не лечит.

Жёлтый рейсовый автобус, волоча извилистый хвост дорожной пыли, спешит к старенькому трудяге парому, который, заглотив почти всё, что суетилось на причале, поднимает скрипучую аппарель и, подрагивая, отваливает от берега. Зелёные сопки, нанизав ключья утреннего тумана, провожают меня до острова Святой Елены и теряются за кормой. По краю Золотого Рога распластался исторический Владивосток. Главная, исхоженная многократно из конца в конец, любимая улица называется, как положено, – Ленинская. Она ведёт меня к отцу, в знакомое хирургическое отделение.

Я давно привыкла к больничным палатам, пропитанным запахом лекарств. Но сегодня ноги не идут. Хотя душа рвётся. Вспоминаю, как раньше отец веселил байками медицинский персонал, больных и посетительниц, превращая в забавные истории какие-то совсем простые эпизоды жизни. Сейчас меня встречает недобрая тишина, в которой растворился странный свет, позволяющий различать оттенки белого. Отец, тихий и бледный, лежит лицом в потолок, почти сливаясь с этим зыбким, расплывающимся светом. На моё появление слегка шевельнулся, открыл глаза. Я ощущаю полную беспомощность. Задав слёзы, прикасаюсь к ослабшей худой руке, говорю постороннее и верю в капельницу, из которой очень медленно что-то перетекает в отца. Завтра операция...

...Наконец впустили. Под веками отца шевельнулись глазные яблоки. Ресницы медленно поднялись. Знакомые губы не дотянули улыбку. Жизнь, кажется, всё-таки возвращается. Смотрю со страхом: как-то странно лежит одеяло. Там, где должна быть левая нога, – провал. Отец перехватывает взгляд. Это, наверное, страшно – первый раз проснуться и ощутить пустоту... «Ну вот и хорошо. Больше у тебя ничего не будет болеть», – протянула я.

Не хочу вспоминать, но вспоминаю невольно, как отец всегда сопротивлялся ампутации, бормоча: «На войне не дал – и сейчас не дам»...

Костыли! Тулятся у кровати, время от времени гремят посреди ночи, за что-то цепляются днём, иногда скользят. Отец часто теряет равновесие, падает. Ждёт с надеждой изготовления первого протеза.

Вот он! Новенький, телесного цвета, с мягким шерстяным чехлом для культи. Сидим в той самой комнате, где раньше совершалось таинство перевязок. Бинты больше не нужны. Здорово!

Мы изучаем конструкцию. Сгибаем её в суставе... Тяжеловата...

Наконец отец решается – надевает протез, пристёгивает ремни. Но костыли не оставляет. Как трудно стоять! А ходить? Четыре «ноги» – скрипят, упираются, не хотят слушаться... Я поглядываю украдкой, вспоминая прежнюю бодрую походку...

Ура! – первый шаг без костылей... С полчаса левый ботинок непослушно цепляет ковёр. Неживая нога выпрямляется в колене со своей скоростью – к этому надо приспособиться. Порожек пока не даётся. Но что-то не так... Отец отстёгивает «ногу», достаёт культю – шов покраснел, кровоточит. Давление поднялось – это видно по багровому лицу, по вспухшей на виске пульсирующей жилке.

На сегодня хватит. В квартиру входит долгая тишина.

Много-много раз. Месяц за месяцем. Год, другой. Меняя протезы. Надеюсь, что каждая новая конструкция будет лучше. Но всегда до боли. Часто до крови. Падая и поднимаясь. Снова падая.

Всё! Без-на-дѣж-но... В углах протезы. Под кроватью протезы. Покрыты пылью.

* * *

Постепенно мир сузился до квартиры и виду из окна. Жизнь превратилась в ожидание. Выходные – что-то вроде маленького праздника.

Сегодня воскресенье. В комнату насторожённо заглядывает черноглазая разгорячённая мордашка – это годовалый внучек. Последний... Малыш быстро смекает и, не видя никакой опасности, шатаясь на некрепких ногах, подходит к кровати, тянет на себя костыли. Потом для надёжности становится на четвереньки и в белых ползунках, быстро ставших серыми, осваивает пространство маленькой комнаты. Похоже, ему здесь нравится. Кряхтя, приподнимается и упирается животом в край кровати – напротив забытого за неделю деда. На лице расплывается счастливая улыбка. Я тоже поглядываю – вижу заострившиеся скулы, плохо выбритые щёки и седые залохматившиеся брови, под которыми в эту минуту затеплился взгляд. Усталая сутулая спина. В пол упирается единственная нога в чёрном войлочном ботинке, запримеченном молью. Пустая брючина небрежно подколота булавкой...

Пора ехать. Спускаюсь с последней ступеньки перекошенной уличной лестницы. Лестницы из детства...

Останавливаюсь и, обернувшись, машу рукой. Сынишка нетерпеливо тянет за руку, в маленьком окне возле любимых берёз застыло родное лицо.

В опустевшей комнате у кровати ожидает большая горсть таблеток, на потолке – знакомая паутина трещин. Неделя – это очень долго. Это почти бес-ко-нечность...

5

В день похорон свирепые крещенские морозы отступили, выпустив навстречу уходящей душе яркое солнце, вслед за которым поднялся в небо плач одинокой трубы и полыхнули прощальные залпы. Самый маленький внук не услышал его рассказов...

Наделённый от природы крепким телом, сильным характером и красивым мужественным лицом, отец был, ко всему прочему, одарён добротой. Добротой редкой, вокруг которой собирались люди. Такому человеку в пору жить очень долго и счастливо, лет до ста. Но у судьбы свои планы. Планы, уточнённые войной...

Совсем чуть-чуть не успел до новой, благоухающей яблоневым цветом весны, до пятидесятого Дня Победы. По-особому праздничный город с сопок и крыш пристально смотрит в небо, на сером холсте которого могучие стальные птицы творят что-то фантастическое. Далеко над морем и землёй катится гул турбин. В вышине с кажущейся лёгкостью возникают удивительные динамичные фигуры, которые вдруг рассыпаются на части и опять собираются, распустив напоследок цветные – под российский триколор – полосы дыма. Город выдохнул восхищение.

В глазах сынишки – восторг! А в моих застряли слепящие горячие слёзы. Я впервые не знаю, кому подарить цветы, и в каждом плохо передвигающемся человеке с медалями вижу отца. Бреду по красивому шумному городу и думаю о том, как быстро умолкает ежегодный праздник, будто захлёбывается, будто нечего сказать...

Историки пишут историю, чтобы знали. Но всё меньше сегодня тех, кто помнит. Потому становится легко изобретать новую «правду о войне». В ней уже другие герои. В ней белое становится чёрным, свои – чужими, освободители – оккупантами, братья – врагами...

Мне трудно, невозможно представить, как бы эту «новую правду» пережил отец...

Пройдёт немного лет, и уже некому будет поклониться, не перед кем покаяться. Живые цветы достанутся ещё уцелевшим солдатским памятникам, молчаливому Вечному огню и холодным могильным плитам. Отгудит колокольный набат, отзвучит «Смуглянка», не растревожив своих героев. Розовощёкая детвора будет есть горячую солдатскую кашу, а кто-то пить фронтовые «сто грамм» в праздничном буфетном гулянии, не почувствовав, что в какой-то момент тихо и незаметно ушёл с земли последний солдат Великой Отечественной...

СОЕДИНЕНИЕ НАШИХ ИМЁН

Кирилл КОВАЛЬДЖИ,
г. Москва.

Русский поэт, прозаик, переводчик, критик.

Кирилл Владимирович родился в 1930 году в Бессарабии. Окончил Литературный институт им. Горького в Москве в 1954 г., был журналистом в Кишиневе. Первая публикация в 1947 году, первый сборник стихотворений – «Испытание» (Кишинев, 1955). С 1959 года – снова в Москве. Работал в аппарате Союза писателей СССР, в журналах «Советская литература», «Литературное обозрение», «Юность», главным редактором издательства «Московский рабочий». Руководитель программы Интернет-журнала молодых писателей России «Пролог» (Фонд СЭИП). Член Союза писателей с 1956 г. Секретарь правления Союза писателей Москвы.

Стихи и проза переводились на ряд языков, отдельные издания – на болгарском, польском, румынском языках.

Автор 15 сборников стихотворений, в том числе – «После полудня» (1981), «Звенья и зерна» (1989), «Книга лирики» (1993), «Невидимый порог» (1999), «Тебе. До востребования» (2001), «Зёрна» (2005), «Избранная лирика» (2007).

Книги прозы: повесть «Пять точек на карте» (1965), роман «Лиманские истории» (1970), «Свеча на сквозняке» (1996), эссе, новые стихи, переводы – «Обратный отсчёт» (2005).

Лауреат премии Союза писателей Москвы "Венец" (2000 г.). Заслуженный работник культуры РФ (2005).

* * *

*Увы, опять, выдавший виды,
теряю голову, любя...
Ищу я повод для обиды,
Чтоб защититься от тебя.*

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

*Не про меня, нездешняя,
в грешный наш мир заброшенная
с целью какой, заданием –
Господи, Боже ты мой! –
я всё тебе выдам, выложу,
твоей красотой огорошенный,
высокого напряжения
током –
роком, судьбой...*

* * *

*Был закат Москве показан –
Рдяный, синий, золотой.
Был закат ничем не связан
С городской суетой.*

*Беззащитна и прекрасна
Эта женщина, как сон.
С нею связывать напрасно
Братство, равенство, закон...*

*Красота идёт по свету,
Вырастая в высоте,
Словно требует к ответу...*

Что ответить красоте?

* * *

*Сад рассветный, ясный.
Лепестки в росе...
Розы – все прекрасны,
Женщины – не все...*

* * *

*Баба Яга никогда
не была девочкой,
Красная Шапочка никогда
не станет старухой,
Иванушка-дурачок
никогда не станет вождём,
Алёнушка никогда
не станет фотомodelью,
никогда не будет бессмертным
Кощей...*

* * *

*Вот тополь перед домом.
Я сказал:
– К чему цветёшь?
Тебя спилить решили!..
Он понял, содрогнулся и увял.*

*Увидел я пантеру в зоопарке,
она пружинно облетала прутья,
в бессчётный раз искала лаз,
который
не мог там быть.*

*Я ей глаза открыл
на истину...
Она слегла и сдохла.*

*Друзьям, знакомым,
встречным-поперечным
стараюсь лишнего не говорить.*

*(Легко вещать,
пока любовь и боль
не объяснят
кому какая правда)...*

* * *

*Услышан ли буду?
Непостижимому чуду
«люблю» говорю –*

*Благодарю зарю
и самую малую малость,
что мне досталась...*

ЛЮБИЛА

*Деда
(у него на коленях),
Отца
(у него на руках),
Мужа
(в его объятиях),
Сыночка
(с ним за ручку).
Внучонка
(с ним на коленях) –*

Мужчин – в обратном порядке.

* * *

*Сбрасывают книги
В мусорные баки –
Выбираю классику,
Уношу домой...*

*(А другие книги
Дикари кидают
За моей спиной.)*

*...Я до поздней ночи
За столом сижу,
Увлеченно книжку
Новую пишу...*

Любовь – АКТЁРСКИЕ ДЕЛА

* * *

Судьба моя – надежды табор.
Я шёл доверчиво с тобой
через распутицу, ухабы
в страну, где счастье,
мир, любовь.

Она вот здесь, за поворотом...
Так год за годом вдаль вела
дорога, схожая с работой
в плуг запряжённого вола.
И привела туда, где старость,
где хруст в суставах,
боль в груди.

Пришла усталость и осталась.
А счастье – снова впереди.

* * *

В подземелье сыром,
кандалами звеня,
вкус свободы распробует
пленный.
Безответно влюблённый
лишь может

понять,
как мучительна страсть,
как взаимность бесценна.
Что такое здоровье –
узнает больной.

Что есть жизнь?..
Но живых беспокоит не это.
Только там, впереди,
за юдолю земной
никуда не уйти
от правдивых ответов.

* * *

Та страсть, которой душу
истязал,
течением лет
переместилась в память –
и я теперь спокойными глазами
смотрю в твои холодные глаза.

И вижу в них уже не океан,
а тиною заросшее болото.
Метался тщетно
над его дремотой
мой разыгравший тучи ураган.

Теперь расслышал я через года,
уже не тая в трепетной истоме,
как твой души
железный арифмометр
в твоих словах
поскрипывал тогда.

Ты выбрала, спасибо, не меня –
так знатоки породы
лошадиной,
оценивая зубы, холки, спины,
берут себе на ярмарке коня.

А я на небе сочинял тебя
из слов и звуков
райского блаженства.
Ты получила песней
совершенства,
любимую и выбравшей меня.

* * *

Пропали печали.
По-детски восторжен,
попав в удивительный
город чудес,
иду среди улыбчивых,
добрых прохожих
под синей мелодией
летних небес.

За каждым углом
открываются тайны.
И вот уже я не иду, а лечу.
И странно, что всё это
вовсе не странно,
что мне даже счастье
сейчас по плечу.
Терзанья душевные канули
в Лету.

И точно я знаю:
любим и влюблён.
Неведомо только,
что я и всё это –
лишь сон.

* * *

Любовь – актёрские дела.
Игра – в словах,
в их нервной дрожи.
Когда диктуют текст тела,

в нём роль и жизнь – одно и то же.
А мы – таланты: Вы и я
играть умеем невлюблённых.
Мы – два холодных января,
два равнодушия стотонных.
Для Вас я – нуль, и Вы мне – нуль.
Друг друга мы не замечаем.
Идёте мимо, не взглянув,
и я без фальши роль играю.
Вот так и впредь Вы до меня
держите дистанцию извольте.
Ни искр, ни дыма, ни огня –
меж проводов тысячевольтных.

* * *

Полвека прожил.
Сдал на жизнь экзамен.
Пятёрка – моим мыслям за покоя.
Зачем мне эта женщина –
с глазами,
заполненными тайной и тоской!

Начувствовался,
как дано немногим.
Уже лишь будни – счастья колея.
Зачем твердит
признанья монологи
в бездонность тьмы
бессонница моя!

Лишь для весны –
безумство наводнения.
Потом по руслу движется река.
Зачем, душа,
апрельствуешь цветением
страстей, забыв,
что наступил декабрь!

Искать наивно сказочное чудо
на пройденном уже не раз пути.
Зачем ты, сердце, глупую пичугой
опять в ладони женские летишь!

Иллюзий нет –
в надеждах не витаю.
Но так ещё не пели соловьи...
Зачем же тщетно
я сопротивляюсь
обманной, преходящей, но – любви!

Туман с ароматом корицы

Светлана ШИРАНКОВА,
г. Москва.

Светлана Анатольевна родилась в Москве в 1976 году.
Закончила Финансовую академию. Замужем, есть дочка.
Писать стихи начала в детстве.

Бумажный самолётик

Слышишь, чёрт поберу?
Я хочу тебе сниться,
Прикасаюсь сухими губами
к запястью,
Пить с ладони туман
с ароматом корицы,
От дрожания век
рассыпаться на части.

Извини за письмо,
это я не нарочно.
Перепутали пальцы и время,
и место,
Собирая бессонницы
в смутный подстрочник
К неизвестно зачем
зарифованным текстам.

Те, кто лечит мне душу,
по-своему правы,
Но – при чём здесь любовь?
И звучит-то нелепо.
Это просто... не знаю –
как выпить отравы,
Проводив брудершафтом
сгоревшее лето.

Ночь – подкрашенный шарик
пустого плацебо,
И коньяк не спасает
от странной болезни.
Самолётик бумажный
в эмалевом небе
Прочь уносит мои
нерождённые песни
О тебе.

Princess Frog

Сбрасывать город
лягушечьей кожей в огонь,
Прыгать по кочкам
в сыром комарином раю.
– Где твой царевич?
– Ушел добровольцем в Сайгон.
Нет, не вернется
(тем более если уьют).

Кутаться в осень,
как в лысое лисье манто.
Спину саднит –
невидимка схватился за плоть.
Перья, тесёмки,
подмокий дешёвый картон –
Крылья... смешно.
Ну куда мне отсюда лететь?

– Ведьма, проклятая ведьма!
Уходит, держи!
Спели анафему
вслед метрономы кадил.
С плеч кожурой
облезает созревшая жизнь.
Слушай, Бессмертный,
в кого ты меня превратил?

Тот, кто внутри

Нежность.
Горькая, растающая
щупальцами под кожу,
гибкий стебель бамбука,
разрывающий мироздание
на атомы.

Тот, кто живет внутри меня,
боится чужого прошлого.
Впрочем, он еще маленький,
сейчас вот сидит заплаканный,
сжавшись в дрожащий комочек –
звереныш. Глазастый,
взъерошенный,
доверчивый как-то по-глупому,
без смысла, навскидку, по запаху.
Что ему там почудилось,
в твоих ладонях?

Не спросишь ведь,
да и какая разница –
сейчас они пахнут страхами
с вяжущим привкусом жалости,
близкой разлукой, осенью.
Мы все решили заранее,
а для него – неожиданность
в горло отточенным лезвием,
что разлюбили и бросили,
и даже, возможно, заслуженно.
Не смей утешать –
он выдержит,

умирать приходится каждому,
и хорошо, если быстро, но...
Уходи, зачем же ты тянешь –
сейчас он сорвется с привязи,
мне все труднее его
оттаскивать.
Дверь подъезда –
ружейным выстрелом.

Нежность – это все,
что осталось.
Тот, кто внутри,
никогда не вырастет.

Городской кардиографик

Городом, городом,
спазмами, ключьями,
через сплошную –
и к чёрту обочины,
воют клаксоны анафему улицам,
боги асфальта
насмешливо щурятся,
чёрные, чёрные –
стены исчерчены –
линии смерти
свиваются смерчами,
пляшут фракталами,
кардиографиком,
прямо по горлу
верёвочным шарфиком,
холодно, холодно,
пальцы неловкие,
мысли – не смыслами,
а заголовками,
не успеваю – к тебе
или выспаться?
Взгляд твой заряжен
единственным выстрелом,
выше прицел –
наугад или кнопками?
Наше «сегодня»
у жизни за скобками,
время отныне и присно
по-местному,
и ненавистное
«если бы... если бы...»

ИЗУЧАЯ ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ,
г. Москва.

Максим Игоревич родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал на станции технического обслуживания автомобилей, затем библиотекарем и референтом в Литературном институте, редактором в отделе литературы «Литературной газеты». Заместитель главного редактора журнала «Литературная учеба». Стихи публиковались в журналах «Волга», «День и Ночь», «Дети Ра», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Юность» и др., в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», альманахах «День поэзии», «Литрос» и т.д., в коллективных сборниках. Переводит восточно-европейскую поэзию. Автор ряда статей о литературе малых народов российского Севера. В качестве публициста и литературного критика выступает на страницах «Независимой газеты», еженедельников «Литературная газета» и «Литературная Россия», журналов «Литературная учеба», «Интерпоэзия», «Мир Севера», литературных альманахов и др. Автор книги стихотворений "Немного сентиментальный путеводитель" (М.: Спутник+, 2008; 2009).

* * *

Из Царского в Павловск
пешком я ходил
Дорогой теней
из безвестных могил,
Путем поколений,
что стали окрест
Безмолвной, древесной душой
этих мест.
И в теплой листве,
что текла без конца,
Я вдруг узнавал дорожие сердца:
Как будто разбужены
мыслью моей,
Они с удивленных
слетали ветвей...

ПСИХЕЯ

Во мраморной одежде
Из Павловского парка
Психея на обложке –
Ну разве мы не пара?
Ну разве мы не образ,
Ну разве мы не сгусток
Всего, что входит в область
Прекрасного искусства?
Мы не годимся в пламя
И не идем на паперть –
Мы сохраняем память,
Мы сохраняем память.

* * *

Темной влагой набухает сквер.
По верхам раскидана рогожа.
Непогожая весна в Москве
Так на осень позднюю похожа!

Со своей любовницей-весной
Выхожу гулять под небом серым –
Неизвестный маленький связной
Между Богом
и вот этим сквером.

На работу об руку идем
(Мы с весной в одной конторе
служим)
Или, как сегодня, под дождем,
Чертыхаясь, прыгаем по лужам.
Нам бы только ног не замочить.
Нам бы только
выбраться отсюда.

Я рифмую. Спутница молчит.
И скучает. И не верит в чудо.

* * *

Изучая таинственный мир,
Я узнал у полей и дубрав,
Что жестокая родина – миф,
Что земля бесконечно добра.

И еще я узнал у полей,
Проходя по родной стороне,
Что, когда мы склоняемся к ней,
Мы становимся с ней наравне,

Что из тех,
кто рассыпался в прах,
Опустился в столетий раствор,
Ни один не лишается прав
На исконное с жизнью родство.

* * *

Когда ей становится
слишком тесно,
Судьба покидает
пространство текста
И, сделавшись плотной
и различимой,
Гуляет с тобой под чужой
личиной.

А ты изумлен и влюблен
как будто,
Куда-то бежишь
и звонишь кому-то,
Чего-то боишься,
не спишь ночами,
И все, что бывает всегда
вначале.

* * *

Не подумай, что я неудачник,
Очутившийся здесь по ошибке.
Не отшельник я даже, а дачник,
Что спокойно живет на отшибе.

И мои не скромнее заботы
Чьих-то вечных проблем
и волнений,
Но вокруг меня воздух свободы,
На котором работать вольнее.

Зацветают в саду моем вишни,
На ветвях появляется завязь,
Не впускает в ограду Всевышний
Ни нужду, ни проклятую зависть.

Здесь друзьям не бывает
деленья,

Здесь не помнят
ни званья, ни чина,
Здесь, как дети,
толпятся деревья
И лепечут почти различимо.

Но порой наклоняется время,
Словно добрая старая няня,
И в ее колыбельную веря,
Сад безмолвствует,
листья роняя...

САД

Разве это то,
 что ты хотел найти?
 (Извини, что я перехожу на «ты»,
 Но к себе на «вы»
 мне обращаться странно.)
 Где твоя любовь
 и где твоя мечта?
 Вновь ты посетил
 знакомые места:
 Старый парк, скамейки,
 летняя эстрада.

Жалкою листвой
 не устлана земля,
 Не глядит с холмов
 московская зима,
 И не месит грязь
 паршивая погодка, –
 Птицы голоса,
 что на дворе июнь,
 Что грядет июль,
 а ты уже не юн –
 Тяжела душа и тяжела походка.

В этом смехе птиц
 и в хохоте лучей
 Слышится тебе
 не голос палатей –
 Вновь ты обольщен
 видениями Рима:
 Вот идет с тобой
 под ручку Филострат,
 Входите вы в сад
 немислимых услад,
 «Почитай стихи...» –
 и губы шепчут имя.

А потом вино
 и философский спор.
 Вы всегда в пути:
 Египет и Боспор,
 Иерусалим, Афины и Лондиний...
 Мир, в который ты хотел
 попасть на миг,
 Так похож на миф,
 и не похож на мир –
 Этот голубой, бесцельный
 и единый.

Для чего тогда
 ты посещаешь сад –
 Ищешь ли себе такого,
 как ты сам,
 Или поглощен одним
 только снами?
 Все же этот парк –
 волшебный парадиз.
 Если отдохнул,
 пойди еще пройдишь.
 Если заметут,
 то я тебя не знаю.

* * *

Годы грызут свое.
 Но не поддамся панике:
 Много еще слоев
 У плодородной памяти!
 Сердце ведет отсчет.
 Но и у жизни-вредины
 Есть кое-что еще,
 Что не подвластно времени.

* * *

Город заповедных усадеб.
 Город голубей и ворон.
 Он тебя за стол не усадит,
 Город из «Покровских ворот».

На тебе мерцающий венчик,
 Слабый отсвет будущих слав, –
 Он к таким всегда недоверчив,
 Но всегда по-своему слаб.

Не пускает в банки, в конторы,
 Но музеи, парки – твои,
 Частные каморки, в которых
 Так легко исчезнуть двоим,

Да еще в районе Арбата
 Несколько знакомых дворов,
 Чтоб ходить туда и обратно
 Лучшей из московских дорог.

* * *

Нине Левиной

Петровско-Разумовская весна!
 Особенная,
 с запахом столетним.
 Но глядя, как безумствует она,
 Мы понимаем, что уже стареем,

Что мы уже довольно тяжелы,
 А жизни лед под нами
 слишком тонок.
 И, как пристало
 людям пожилым,
 Капризный в нас
 является ребенок.

В его глазах
 мальчишеский азарт,
 Когда он смотрит
 на игру природы;
 Он хочет время
 повернуть назад,
 Чтоб надышаться
 воздухом свободы.

Но отчего-то всё ему не так,
 И машет он обломанною веткой
 На этот блеск,
 на этот кавардак,
 Сердьясь душой
 изнеженной и ветхой.

К МОРЮ

Озабоченно и без кайфа
 Я опять собираюсь к морю.
 (Так вытаскивают из шкафа
 Полушубок, что трачен молью.)
 Не к тому – в километрах пляжей,
 Где семейный турист из Курска
 В ресторане жует и пляшет
 Под ночной суррогат искусства,
 Не к тому, о котором столько
 Прочитал я, что не при дамах
 Будет сказано от восторга,
 Оживающему в преданьях,
 А к разжиженному Зенону,
 Что гигантом слепорожденным
 Полагает предел земному –
 Всем дорогам и всем раздорам...
 Но едва я коснусь ногами
 Побережий твоих, Сугдея,
 Стану ящерицей на камне,
 Воздержавшейся от сужденья.

ОДИНОКАЯ ДЖОНКА

Паруса из небесного шелка
 И корма из вечерней росы –
 Ты плывешь, одинокая джонка,
 По невидимой глазу Янцзы.

Мимо вечности, мимо мгновений,
 Мимо таинств и мимо блаженств,
 Мимо странных людей и явлений,
 Мимо гневных и мирных божеств,

Мимо Той,
 в чьих глазницах пустыня,
 А в руках разгулялась коса,
 Мимо Той, что светла, как святыня,
 Чья любовь не имеет конца,

Мимо прошлых заслуг
 и страданий,
 Мимо омота плотских забот,
 В стороне от вражды
 стародавней,
 Персиянок бросая за борт,

Мимо ступы и камня Каабы,
 Мимо всех пирамид и пещер,
 Сумасшедший воздушный
 корабль,
 Устремленный на лунный ущерб, –

Без сомнения и без возврата,
 На исходе прощального дня,
 Без Литейного и без Арбата,
 Без стихов и, увы, без меня.

Но возьми мое сердце ребенка
 И раздвоенный нищий язык,
 По невидимой глазу Янцзы
 Уходя, одинокая джонка...

ВСЁ ЧАЩЕ НОЕТ СЕРДЦЕ ПО НОЧАМ...

Олег МАТВЕЕВ,
г. Владивосток.

конкурс

9 Мая

День Победы

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Давай-ка, брат, по маленькой.
До дна!
Помянем дорогие имена,
Помянем не вернувшихся друзей
Из поиска, из вылета, с морей.
Со старых фото весело глядят
Глаза навечно молодых ребят:
Шестым я слева,
справа – ты, второй.
Остались нынче только
мы с тобой!

Вано пошел на танковый таран,
Петро скончался
под Москвой от ран,
В Литве гвоздями на двери
распят
Был в сорок пятом весельчак
Талгат.
Раздавленный в лощинке
медсанбат,
Упавший рядом роковой снаряд,
Стыд пораженный,
горечи утрат –
Все это было. Было с нами, брат!

Поплачь! Чего ж стыдиться,
старина?
Нам не по книжкам
памятна война –

Остывший пепел

от российских сел
В лицо тебе три года ветер мел.
Свои мы с честью носим ордена –
Стоит за ними горькая цена,
И нам в боях вручала их страна,
А не на рынке продала шпана.

...Все чаще ноет сердце
по ночам,
Все чаще обращаемся к врачам,
И с каждым годом
памятной весной
Редеет ветеранов наших строй.
Налей-ка, брат,
из фляжки фронтовой –
Сегодня можно
в праздник наш святой.
Вдруг видимся с тобой
в последний раз?
За День Победы, старина! За нас!

Ушедшим ветеранам подплава

...Ушел еще один из ветеранов
В подплав
с эмблемой ВМФ небес –
Сказались возраст, боевые раны,
Недуги с прошлых
в глубине завес.
И у пришедших проводить
в кармане
Валокордин в готовности
застыл,
И кое-кто не водочку в стакане,
А минералку по глоточкам пил.

Смотрю на «экипаж» я
поревдевший –
Как мало вас осталось, мужики!
Войною не убитый, уцелевший
Тихонько плакал ветеран
с тоски.

В скупых слезах его
всего хватало:
И горюшка, и боли, и обид;
Прикрывшая глаза
рука дрожала –
Вдруг кто сторонний
на него глядит.
А может, просто
сердце подсказало,

Ветеран подплава

Что в день,
когда сверкнет с утра роса,
Поймет старик –
его пора настала
За другом уходить на небеса.
И в смертный час,
земную вахту сдавший,
Он с нами попрощается без слов,
И с жизни соскользнет
плетеной гашей
Последний умирающий
швартов.

...Уходят старики.
Уходит время.
И дай нам Бог
подольше не забыть
Дедов неповторимых наших
племя,
С которым посчастливилось
нам жить!
И в памяти моей (глаза закрою!),
Пускай уже больными и седыми,
Проходят они мимо
зыбким строем,
Сверкая орденами боевыми.

Что ж! Я однажды тоже
постарею,
Но на свои болячки наплевав,
Скажу я вслед ушедшим:
«Честь имею!»
И выпью за военных лет подплав!

Звукоряд

Евгения КОСТЮКОВА,
п. Опорный
Ростовской области.

Евгения Владимировна родилась в Ростове-на-Дону в 1978 году. Печаталась в альманахах, периодической печати и в Интернете. Автор книг «Я не Галатеея» (2003 г., Ростов-на-Дону) и «Моему Пигмалиону» (2006 г., Москва). Увлекается философией, историей таплиеров и античной культурой. Любимые поэты М. Гофайзен, М. Цветаева.

Собачье

Узнавая шаги, обнажаю клыки
и срываюсь с цепи, только хвост
выдаёт неизбежность
собачьей тоски,
а мерцающих глаз купорос
на тебя,
о тебе,
за тебя,
за тобой.
Я давно, сумасшедший мой бог,
обитаю за взлётно-нездешней
чертой –
выше неба, но всё же... у ног.
Мне зима – не зима,
мне луна – не луна.
Поминальные вьюги метут.
Ждать – единственный жребий
на все времена –
неизбывно, отчаянно жду.
Что по холке потреплешь,
что пнёшь – всё равно.
Звёздных косточек мне
не хватать.
А собачья любовь –
как немое кино,
где нелепо о боли кричать.

Яблоня

Дробно мелькают спицы
в ловких руках судьбы.
Дерево у криницы...
звук водяной стрельбы.
Стайки мальков не словят
хитрого червячка,
знает он сто уловов,
яблоко-дом с бочка лопают,
прогрызая сладкую вязь ходов,
чтобы мечта
(босая, с ласковыми глазами,
полными светлячков)
из родника достала,
мамин запрет забыв,
брызнула соком алым,
солнышко надкусив с хрустом,
в котором спеты арии птиц
и пчёл.
Падалица моментов.
Лета летящий шёлк.

Весенний блюз для любимого

Нам хандрить,
словно печь белый хлеб, –
старики говорят.
Свист ли, скрип ли...
Я вмерзаю в любовь по-рыбьи.
Звёзды спят.
Свили мысли-скрипки
звукоряд для гнездовья судьб.
Город сгорбился, пряча в нутро
наши сочные спелые ссоры.
Но бессоннице быть – весёлой.
Обману,
к чёрту всхлипы «скорой»!
Обмакну с лёту в Лету перо.

Воздух нынче высокой цены,
а вино горьковатое – пусть.
Колея оборвётся, что пульс...
Бог сыграет тебе этот блюз,
коли я не увижу весны.

Лазерная коррекция

Зеркала водоёмов
(прозрачные боги)
душу из чаши лица выпивают.
Страх крадётся
знакомой дорогой
по кольцу от крыльца.
Выпь болотного рая,
умирая,
не выберет сонное озеро света
потому,
что её изумрудная тьма –
звонче спета!
Миллиметра, момента, увы,
нехватило – смоль ветра.
Молчаливые скалы устало
камлают с мольберта.
Море сморщилось,
словно гармонь,
обнажив моль brutальных
камней,
а ножи лживых волн режут венки
слепых кораблей.
Чёткий мир соль былую
утратил,

сметая все «против» и «за».
Чётки-мысли взорвались
единой молитвой –
«Глаза».

Время

В листопадной россыпи шагов
слышен шум великого исхода.
Испарился Бог из берегов
собственных законов.
А свобода –
только сказка, сказанная зря.
В муках вечность родила
младенца –
он играл юлою бытия,
стрелами минут пронзая сердце
плюшевого мира, где тоска
стала главной точкою
отсчёта.
Сливу солнца прячут облака
взбитых сливок.
В сумраке киота
лики ждут, когда умрёт дитя.
Ветер жалит души пилигримов,
и любой немимолётный взгляд
всё равно проскальзывает мимо.

Голем

Вещный мир – это танго
пространства и времени.
Но не хочется
Быть копьём войны,
Быть комком вины.
Мы – чернильная мушка
в янтарном горении
Одиночества,
Только в поле сныть,
Только снега сны.
Он бесполой и полой,
и всё же – наполненный
Всем, что не сбылось,
Да не сбудется.
Без венца наш царь.
Небоскрёбы тоски
из желаний построены.
Сердце пролилось,
И взошли сердца.
Голем без лица (?)

Уходили ребята

Уходили ребята

Грохотали раскаты,
Накрывал миномёт.
Уходили ребята
Из-за парты на фронт.

Сразу с марша – в окопы,
Принимали свой бой.
И прошли пол-Европы
С опалённой судьбой.

От Москвы до Варшавы,
В самых разных местах
Шли на смерть, не за славой –
На Берлин, на рейхстаг!

Из степей Украины
И с Кавказских вершин
Шли в едином порыве –
На Берлин, на Берлин!

Нет в боях передышки,
Отдыхать нет причины.
Уходили мальчишки –
Возвращались мужчины.

Утопали в болотах,
Замерзали в снегу.
Шли в атаку на доты,
Не сдавая врагу

Ни клочка и ни пяди,
Ни воды, ни земли.
И в победном параде
В сорок пятом прошли.

Отгремели раскаты
Тех военных дорог,
Не вернулись ребята
На родимый порог.

Счёт потерям – немерный,
Кто погиб, кто живой?
Был убит каждый первый,
Искалечен второй.

По военным дорогам
Те мальчишки лежат,
Лишь стоят одиноко
Изваянья солдат.

С головой непокрытой,
Сплошь бетон да гранит,
Мол, ничто не забыто
И никто не забыт.

Но уже забывают,
Да и знать не хотят.
И опять убивают
Тех гранитных солдат.

Их взрывают, калечат
И не могут понять:
Мир так хрупок, невечен,
Нам его сохранять.

Лишь бы мы не забыли
И до боли сердечной
Навсегда сохранили,
Чтобы помнили вечно,

Чтобы детям и внукам
Донесли, рассказали.
Чтобы эту науку
Обязательно знали.

Давай, дружище, вспомним

Давай, дружище, вспомним
о прошлом, о былом.
Давай с тобой плеснём
по рюмкам водки.
И выпьем мы за тех, кто мог
быть рядом за столом,
А выпьем и нальём ещё по сотке.

Мы строили ракеты,
и цель была ясна,
Мы покоряли время
и пространство.
И вроде бы судьба
у нас на всех была одна,
Но жизнь течёт
и нет в ней постоянства.

Мы жили в ту эпоху
не месяц и не год,
Мы верили в другие идеалы.
Теперь живём, не зная,
что нас дальше с вами ждёт.
Без прошлого нельзя
начать сначала.

Мы стали мастерами
не сразу и не вдруг,
Работали, не думая об этом.
И по пути теряли
мы друзей своих, подруг,
Как памятники, делая ракеты.

Помянем мы товарищей,
всех перечислим в тосте,
И станем крепче духом,
и вспомним каждый миг.
Они нашли пристанище
и мир свой на погосте,
Земля им будет пухом,
а мы помянем их.

Русь есенинская

Я бродил по полям, перелескам,
Я на взмыленном мчался коне.
И берёз золотые подвески,
Узнавая, склонялись ко мне.

Я бежал от забот и сомнений
И хмелел от такой красоты.
Может, так же когда-то Есенин
Убегал от мирской суеты.

И берёзки, подружки лесные,
Тесной стайкой вели хоровод.
А озёра вокруг – голубые,
И в них синее небо плывёт.

И счастливые выступают слёзы,
И ресницы – как травы в росе,
И в объятиях стройной берёзы
Я замру в её пышной косе.

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

*Это всё ещё может случиться,
Как тогда в неразгаданном сне:
Хочешь пить*

*и не можешь напиться,
И какие-то тени в окне.*

*И такая кругом суматоха,
Что и яблоку негде упасть...
«Мы своё отслужили, эпоха,
Нам на лаврах пора почивать!»*

*Но, влекомы толпою вокзальной,
В этом мутном потоке плывём
Мимо башен, пакгаузов, зданий
И окрестности не узнаём.*

*Может, ветер монгольской
пустыни*

*Нам песком застилает глаза?
Мне не видеть бы этот в помине
Разлучающий судьбы вокзал.*

*Но опять недосказано что-то,
И всё тот же вагон подают,
Гимнастёрка, пропахшая потом,
Сапоги и плацкартный уют.*

*Это всё ещё может случиться,
Как тогда в неразгаданном сне.
Только век нескончаемо длится,
Только сердце в тревожном огне.*

Льготная подписка
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ!

ВНИМАНИЕ!

Продолжается литературно-художественный конкурс, посвящённый Победе над фашизмом в 1945 году.

До 30 августа 2009 г. на конкурс принимаются поэтические, прозаические, публицистические произведения, а также фотографии, посвящённые участникам и событиям Великой Отечественной войны. Авторские работы высылаются по адресу нашего издания с пометкой на конверте «НА КОНКУРС».

По многочисленным просьбам участников сроки подведения итогов переносятся на **ОКТАБРЬ 2009 г.**

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: **692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16. Костылеву Владимиру Александровичу.**

1 месяц — **40** рублей,
2 месяца — **75** рублей,
3 месяца — **110** рублей,

6 месяцев — 180 рублей,
1 год — 360 рублей.

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие ранее, с начала текущего года.

ВНИМАНИЕ!

Дом с мезонином – Дом-музей В.М. Лаврова «Старая Малеевка» приглашает для труда и отдыха малеевских старожилов.

Встреча с прошлым: печь, дрова, свечи, керосиновая лампа, самовар. Есть мангал. Удобства во дворе.

Дом расположен на территории санатория «Дорохово» (гастроэнтерология). Рядом магазин (300 м). Идеальные условия для творчества. Оплата символическая – за дрова. 3 койко-места.

Можно купить курсовку на 12-24 дня (лечение и питание в санатории, только нужна курортная карта).

Телефон **8 985-256-90-91, Николай Николаевич.**

! От редакции. Поздравляем Олега Алексеевича Матвеева с принятием в Союз писателей России.

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир КОСТЫЛЕВ,
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
(представитель в г. Хабаровске,
тел. 8 924-206-04-76).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Евгений ВЕСНИК,
Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Объём издания – 4,5 печатных листа. Тираж 999 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 апреля в 8-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.